
TAYA LUNARA
Три точки
...
...

TAYA LUNARA
Три точки

https://litres.ru/74843284
SelfPub; 2026

Аннотация

Она не искала любви. Он просто написал ей однажды.

Лера — замужняя женщина, давно привыкшая к тому, что в её жизни чего-то не хватает. Артём — мужчина младше её на десять лет, у которого тоже есть семья.

Случайное знакомство в интернете превращается в историю, где несколько строк на экране значат больше, чем тысячи произнесённых слов. Нежность, ревность, признания, внезапные исчезновения и возвращения, после которых уже невозможно чувствовать по-прежнему.

Они так и не встретились. Но разве от этого чувства становятся менее настоящими?

Роман о виртуальной близости, несбывшихся надеждах и вопросах, на которые иногда так и не находишь ответа.

Можно ли поставить точку в истории, которая каждый раз заканчивается многоточием?

Содержание

Глава 1. Случайный кадр 5
Глава 2. За кадром 27
Глава 3. Почти рядом 52
Глава 4. Только для тебя 78
Глава 5. Услышать тебя 104
Глава 6. Место для меня 140
Глава 7. То, о чём молчат 175
Конец ознакомительного фрагмента. 186

TAYA LUNARA
Три точки

Три точки
TAYA LUNARA

Глава 1. Случайный кадр

Сентябрь только начинался.

Дни ещё хранили остатки летнего тепла, но вечерами уже хотелось закрыть окно, накинуть что-нибудь на плечи и устроиться с чашкой горячего чая.

Лера любила это время года. Особенно после дождя, когда мокрый асфальт отражал фонари, а в окнах домов загорался тёплый свет.

В тот вечер она как раз разбирала фотографии, сделанные по дороге домой.

На одной из них обычная городская улица выглядела почти сказочно. Жёлтые огни витрин, отражения в лужах, силуэты прохожих под зонтами.

Ничего особенного. Просто мгновение, которое ей захотелось сохранить.

Она немного поправила яркость, обрезала лишнее и опубликовала снимок в интернет-сообществе любителей фотографии, куда вступила совсем недавно.

Сообщество называлось «Пойманный свет».

Здесь собирались самые разные люди. Кто-то снимал профессиональной камерой и мог часами рассуждать об объективах. Кто-то, как Лера, фотографировал на телефон всё, что казалось красивым.

Пейзажи, животных, закаты, старые улочки, случайные

улыбки.

Иногда участники устраивали небольшие конкурсы, иногда спорили о композиции, а чаще просто болтали обо всём на свете.

Лере здесь нравилось.

За последние недели она успела познакомиться с несколькими постоянными участниками и даже подружиться с Никой — весёлой, прямолинейной женщиной, которая обладала удивительной способностью говорить именно то, что думала.

С ней было легко.

Впрочем, в последнее время Лера вообще всё чаще искала места, где ей было легко.

Дома такого ощущения почти не осталось.

* * *

— Ты ужинать будешь? — спросила Лера, заглянув в комнату.

Муж сидел перед телевизором.

— Потом.

— Я разогрею, если что.

— Угу.

Она постояла несколько секунд в дверях.

Хотелось что-нибудь рассказать. О том, как прошёл день. О смешной ситуации на работе. О фотографии, которую сегодня удалось сделать.

Но муж даже не повернул головы.

Лера тихо прикрыла дверь.

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось.

Она давно научилась разговаривать сама с собой.

Иногда мысленно, иногда вслух, когда дома никого не было.

И всё чаще ловила себя на том, что уже не пытается делиться с мужем мелочами.

Она по-прежнему считала эти мелочи важными.

Просто однажды надоедает рассказывать что-то человеку, который не особенно хочет слушать.

Лера вернулась на кухню, устроилась поудобнее и взяла телефон.

Под фотографией уже появились первые комментарии.

«Красиво!»

«Очень атмосферно».

«Обожаю дождливый город».

Она улыбнулась и ответила нескольким участникам.

А потом телефон коротко завибрировал.

Новое личное сообщение.

Незнакомый мужчина.

Артём:

У вас потрясающе красивые фотографии. Но мне кажется, их автор ещё интереснее

Лера приподняла брови.

— Ну надо же…

Она открыла профиль отправителя.

Симпатичный мужчина. На вид чуть больше тридцати. Приятная улыбка, уверенный взгляд. Несколько обычных фотографий, без особого желания произвести впечатление.

Лера вернулась к сообщению.

Интересно, а фотографии он вообще смотрел?

Пальцы быстро пробежали по экрану.

Лера:

Спасибо за комплимент. А вы всегда так знакомитесь с фотографами?

Ответ появился почти сразу.

Артём:

Только с красивыми.

— Ой, какой шустрый!

Лера рассмеялась.

Лера:

А фотографии-то вам хоть понравились? Или вы их даже не смотрели?

Артём:

Смотрел. Особенно последнюю. Но теперь мне гораздо интереснее женщина, которая её сделала.

Ну всё. Началось.

Лера:

А вы, я смотрю, мастер комплиментов.

Артём:

Нет. Просто говорю то, что думаю.

Лера:

Опасное качество.

Артём:

Почему?

Лера:

Можно ведь и договориться до чего-нибудь.

Артём:

Ну так давайте проверим.

Лера покачала головой.

Нахальный.

Но забавный.

Она уже собиралась отложить телефон, когда пришло ещё одно сообщение.

Артём:

Я вас не напугал?

Лера:

Нет. Просто вы слишком торопитесь.

Артём:

А вдруг вы завтра исчезнете?

Лера:

Тогда вам придётся пережить эту страшную потерю.

Артём:

Не хотелось бы

Лера снова улыбнулась.

Какой настырный, однако.

И почему-то это совершенно не раздражало.

* * *

На следующий день он написал снова.

Потом ещё.

И ещё.

В отличие от многих случайных интернет-знакомств, где после пары комплиментов разговор постепенно затихает, Артём, похоже, не собирался терять интерес.

Он спрашивал, как прошёл день, чем она занимается, какие фотографии любит делать.

Сам рассказывал о работе, шутил, присылал снимки.

Однажды отправил фотографию серого двора с единственным деревом посередине.

Артём:

Вот. Попробуйте найти здесь что-нибудь красивое.

Лера увеличила изображение.

Обычный двор. Машины, асфальт, унылые пятиэтажки.

Но между ветвями дерева пробивался солнечный луч.

Лера:

Нашла.

Артём:

Где?

Лера:

Свет на листьях. Ты всё испортил своим асфальтом. Надо было дерево крупнее снять.

Артём:

Понял. Значит, фотограф из меня никакой.

Лера:

Не безнадёжный.

Артём:

А мужчина?

Она засмеялась.

Вот ведь! Всё равно на своё свернул!

Лера:

Это пока неизвестно. Мало исходных данных.

Артём:

Исправим.

Он действительно умел переводить разговор в нужную ему сторону.

Причём делал это настолько непринуждённо, что Лера иногда не успевала понять, как обычное обсуждение фотографии превращалось во флирт.

Сначала это забавляло.

Потом стало немного смущать.

А однажды она выяснила его возраст.

— Сколько?! — переспросила Лера, хотя прекрасно прочитала сообщение.

Тридцать два.

Она уставилась на экран.

Так. Подожди. Это что же получается?

Лера мысленно пересчитала годы.

Почти десять лет разницы.

— Нет, ну это уже смешно…

Лера:

Артём, ты серьёзно?

Артём:

А что такое?

Лера:

Ты хоть понимаешь, сколько мне лет?

Артём:

Понимаю.

Лера:

И тебя ничего не смущает?

Артём:

А должно?

Лера откинулась на спинку стула.

Господи, ну что за поколение такое бесстрашное?

Лера:

Я почти на десять лет старше тебя!

Артём:

И что?

Лера:

Как это «и что»?!

Артём:

Лер, возраст — это цифры. Мне с тобой интересно. Ты красивая, весёлая, умная. Какая мне разница, сколько тебе лет?

Она перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Красиво говорил, ничего не скажешь.

Но разве можно воспринимать подобные слова всерьёз?

Молодой мужчина.

Симпатичный.

Наверняка вокруг него хватает женщин гораздо моложе.

Зачем ему она?

Лера поймала себя на неприятной мысли.

А почему, собственно, мне обязательно искать причину, по которой я не могу ему понравиться?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

Она давно привыкла смотреть на себя без особого восторга.

Обычная женщина. Не модель. Не красавица с обложки. Лишние килограммы, усталость, возрастные изменения, которые зеркало уже не пыталось скрывать.

Да и комплименты от мужчин были в её жизни такой редкостью, что она порой просто не знала, как на них реагировать.

Артём:

Ты куда пропала?

Лера:

Думаю.

Артём:

О чём?

Лера:

О том, что ты слишком молодой и слишком нахальный.

Артём:

Молодой — это хорошо. А нахальный… Ну, есть немного.

Лера:

Немного?!

Артём:

Ладно. Много. Но тебе же нравится

— Вот зараза!

Лера рассмеялась так громко, что сама удивилась.

И вдруг поняла, как давно не смеялась подобным образом.

Просто так.

Без причины.

От нескольких строчек на экране.

* * *

— Ну рассказывай, — потребовала Ника.

Они переписывались почти каждый день. То обсуждали фотографии, то делились новостями, то жаловались на домашние хлопоты.

— Что рассказывать? — невинно поинтересовалась Лера.

— Не прикидывайся. Ты сегодня подозрительно весёлая.

— А что, мне теперь грустной ходить?

— Нет. Но у тебя такое настроение обычно либо после удачной покупки, либо когда кто-нибудь тебя рассмешил.

Лера задумалась.

А ведь действительно.

— Есть один товарищ, — написала она наконец.

Ответ прилетел моментально.

— О! С этого места подробнее!

— Да нечего рассказывать. Из нашего сообщества. Пишет иногда.

— Кто?

— Артём.

— А-а-а…

— Что значит твоё «а-а-а»?!

— Ничего. Симпатичный мужчина.

— Ник, ну начинается!

— А я что? Я вообще молчу.

Лера усмехнулась.

— Просто общаемся. Шутим. Ничего такого.

— Ну и общайся. Тебе полезно.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты хоть улыбаться стала.

Лера перестала печатать.

Несколько секунд смотрела на последнее сообщение.

Да неужели со стороны настолько заметно?

— Не преувеличивай, — ответила она.

Но сама прекрасно понимала, что Ника не совсем ошибается.

* * *

Артём между тем становился всё смелее.

Слишком смелым.

Его намёки постепенно перестали ограничиваться невинными комплиментами.

Он мог среди совершенно обычного разговора вдруг написать что-нибудь такое, от чего Лера краснела, сидя одна на кухне.

Или представить, что они находятся рядом.

Или спросить, о чём она думает перед сном.

Сначала Лера отшучивалась.

Потом пыталась переводить разговор.

Но Артём словно специально испытывал границы дозволенного.

Однажды вечером он снова завёл разговор, который слишком быстро стал откровенным.

Лера некоторое время смотрела на экран.

Ну нет, дорогой. Так дело не пойдёт.

Лера:

Артём, давай немного притормозим.

Пауза.

Артём:

Что случилось?

Лера:

Ничего. Просто ты слишком быстро переходишь к таким разговорам. Мы ведь почти не знаем друг друга.

Артём:

Я тебя понял.

Лера:

Я серьёзно.

Артём:

Лер, я понял. Не буду торопить.

Она ожидала шутки.

Нового намёка.

Возможно, даже обиды.

Но ничего подобного не произошло.

Вместо этого он спросил:

Артём:

Расскажи лучше, почему ты так любишь фотографировать дождь?

Лера удивилась.

И неожиданно для самой себя ответила совершенно искренне:

Лера:

Не знаю. Наверное, потому что после дождя даже самый обычный город становится красивым. Нужно только увидеть.

Артём:

Интересно. Никогда так не думал.

Лера:

А ты попробуй. Мир вообще красивее, чем кажется. Мы просто часто этого не замечаем.

На этот раз их разговор затянулся надолго.

Они говорили о детстве, работе, привычках, любимых местах.

Постепенно Лера узнавала о его семье, о сыне, о повседневной жизни.

Артём тоже был женат.

Это обстоятельство она не могла просто выбросить из головы.

Как, впрочем, и собственное замужество.

Всё происходящее уже выходило за пределы безобидного знакомства, хотя ни один из них пока не называл вещи своими именами.

Лера понимала, что вступает на опасную территорию.

Но после долгих лет семейной жизни, в которой радости становилось всё меньше, ей вдруг захотелось хоть немного пожить иначе.

Не уйти из дома.

Не разрушить чью-то семью.

Не строить грандиозных планов.

Просто снова почувствовать себя женщиной, которой интересуются.

Которую хотят услышать.

Которой говорят красивые слова.

И которая, оказывается, ещё умеет от них смущаться.

* * *

Всё развивалось стремительно.

Настолько, что Лера иногда сама не понимала, как они успели стать такими близкими.

Ещё недавно Артём был всего лишь незнакомым мужчиной из фотографического сообщества.

Теперь она знала, во сколько он обычно начинает рабо-

тать, какие у него привычки, что его раздражает и что может рассмешить.

Он запоминал мелочи, о которых она рассказывала.

Мог посреди рабочего дня прислать короткое сообщение:

Как моя любительница дождя?

Или просто:

Лер, ты где?

И она отвечала.

Иногда сразу.

Иногда через несколько минут, специально выдерживая паузу.

Пусть не думает, что я тут с телефоном в обнимку сижу.

Хотя телефон, надо признать, действительно всё чаще оказывался рядом.

Утро начиналось с проверки сообщений.

На работе она периодически поглядывала на экран.

А если Артём долго не появлялся, ловила себя на том, что мысленно перебирает возможные причины.

Работает, наверное.

Занят.

И вообще, какое мне дело?

Особенно смешным было последнее.

Потому что дело ей уже было.

И немаленькое.

Однажды Артём написал:

Артём:

Скучала?

Лера:

Некогда мне скучать. Я женщина занятая.

Артём:

А обо мне думала?

Лера прикусила губу.

Ну вот зачем спрашивать то, на что и сам прекрасно знаешь ответ?

Лера:

Может, и думала. Немножко.

Артём:

Влюбилась в меня, значит?

Она расхохоталась.

— Ага! Сейчас! Размечтался!

Лера:

Ничего подобного!

Артём:

Да ладно тебе. Признавайся.

Лера:

Ну, может, лёгкая влюблённость. Совсем лёгкая. Так, ничего серьёзного.

Артём:

А-а-а. Лёгкая, значит?

Лера:

Именно! Не обольщайся!

Артём:

Поздно. Уже обольстился.

Лера улыбнулась и отложила телефон.

Лёгкая влюблённость.

Как удобно звучит.

Почти безопасно.

Что-то вроде лёгкого насморка. Появился, немного помучил и прошёл.

Но почему тогда она улыбается, когда он пишет?

Почему помнит его шутки?

Почему среди рабочего дня вдруг вспоминает какой-нибудь разговор и начинает смеяться сама с собой?

И почему ей так хочется, чтобы наступило завтра?

* * *

Вечером Лера долго стояла перед зеркалом.

Не то чтобы она раньше никогда на себя не смотрела.

Смотрела, конечно.

Только чаще замечала то, что не нравилось.

Лишние килограммы.

Уставшие глаза.

Морщинки.

Волосы, с которыми вечно хотелось что-нибудь сделать.

Она привычным движением поправила прядь у лица.

Наклонила голову.

Улыбнулась своему отражению.

И чего он во мне нашёл?

Потом вдруг нахмурилась.

А почему обязательно «чего нашёл»? Почему не может просто понравиться?

Она выпрямилась.

Нет, красавицей с обложки журнала Лера себя не считала.

Но ведь и страшилищем не была.

Обычная женщина.

Живая.

С характером, с чувством юмора, со своими недостатками и достоинствами.

Когда-то она и сама умела себе нравиться.

Просто за последние годы почти забыла об этом.

Лера провела ладонью по волосам.

Может, пора вспомнить?

Из комнаты донёсся голос мужа.

— Лер! Ты где там?

— Сейчас!

Она ещё раз посмотрела в зеркало.

Потом выключила свет.

И всё же, проходя мимо, почему-то улыбнулась.

* * *

Поздно вечером Артём снова появился в сети.

Артём:

Не спишь?

Лера:

Пока нет.

Артём:

А я тебя вспоминал.

Лера:

Опять?

Артём:

Ага.

Лера:

Совсем работать перестанешь с такими мыслями.

Артём:

Ничего. Переживу.

Она устроилась поудобнее, поджав под себя ноги.

За окном снова начинался дождь.

Мелкие капли тихо постукивали по стеклу.

Артём:

Знаешь, мне с тобой хорошо.

Лера перестала улыбаться.

Не потому, что слова были неприятными.

Наоборот.

В них вдруг оказалось что-то совсем другое — без привычного поддразнивания, без нахальных намёков и весёлых смайликов.

Она долго смотрела на сообщение.

Потом напечатала:

Лера:

Мне с тобой тоже.

Никаких шуток.

Никаких попыток спрятаться за смехом.

Просто правда.

Телефон некоторое время молчал.

Лера положила его рядом, прислушалась к дождю.

Артём мог быть настойчивым, самоуверенным, порой совершенно несносным.

Он слишком быстро сближал расстояние между ними, говорил то, от чего она смущалась, и словно совсем не боялся получить отказ.

Но постепенно за всем этим она начала замечать другого человека.

Мужчину, которому было интересно, как прошёл её день.

Который умел её рассмешить.

Который не считал разницу в возрасте препятствием.

И который за удивительно короткое время стал частью её повседневной жизни.

Лера закрыла глаза.

Только не влюбляйся, пожалуйста.

Она даже мысленно произнесла это с улыбкой.

Потому что прекрасно понимала: предупреждение немного запоздало.

Телефон снова завибрировал.

Артём:

Спокойной ночи, моя хорошая

Лера почувствовала, как внутри разливается неожиданное тепло.

Моя хорошая…

Два простых слова.

Ничего особенного.

Но как же давно никто не говорил ей ничего подобного.

Она набрала ответ:

Лера:

Спокойной ночи, Артём

Отправила.

Погасила экран.

И ещё долго лежала, глядя в темноту.

Она не думала о будущем.

Не представляла встреч.

Не задавалась вопросом, к чему всё это приведёт.

Сейчас ей просто было хорошо.

А завтра он снова напишет.

Наверняка с какой-нибудь шуткой.

Снова начнёт поддразнивать.

Снова спросит, скучала ли она.

И она, конечно, ответит, что нет.

Что совершенно не скучала.

Что это всего лишь лёгкая влюблённость.

Совсем лёгкая.

Лера тихонько рассмеялась в темноте.

Себя обмануть оказалось гораздо труднее, чем его.

За окном продолжал идти дождь.

Где-то далеко, в другом городе, жил мужчина, которого она никогда не встречала.

Она ещё не знала, как звучит его смех рядом, как он смотрит на женщину, когда молчит, как ведёт себя в обычной жизни.

Не знала, каким окажется его характер за пределами переписки.

Не знала даже, встретятся ли они когда-нибудь.

Но уже ждала утра.

И впервые за долгое время ей хотелось, чтобы оно наступило поскорее.

Глава 2. За кадром

Первое, чему Лера научилась за эти недели, — отличать обычное уведомление от сообщения Артёма.

Телефон, конечно, издавал один и тот же звук.

Просто теперь на некоторые сообщения она реагировала быстрее, чем успевала подумать.

В понедельник утром он написал, когда она стояла на остановке.

Артём:

Доброе утро, любительница дождя. Сегодня солнце. Ты без работы останешься?

Лера посмотрела на небо.

Ни единого облака. Даже обидно.

Лера:

Ничего, переживу. Найду, что сфотографировать. Хотя некоторые объекты упорно не хотят получаться красиво.

Артём:

Это ты сейчас про меня?

Лера:

А ты сам догадался?

Артём:

Так и знал. Издеваешься над молодым человеком.

Лера:

Наконец-то заметил.

Она убрала телефон в сумку и вошла в автобус.

За окнами мелькали знакомые дома, люди спешили на работу, кто-то сонно держался за поручень. Совершенно обычное утро.

Только Лера, глядя в стекло, улыбалась.

За несколько недель незнакомец из фотографического сообщества стал частью её дня. Он появлялся утром, иногда писал в обед, мог отправить нелепую фотографию или пожаловаться на работу, а потом вдруг спросить что-нибудь такое, от чего ей хотелось спрятать лицо в ладонях.

Она уже знала, что у него есть сын, что по выходным Артём любит выбираться за город и что на работе он умудряется одновременно решать серьёзные вопросы и писать совершенно несерьёзные сообщения.

Он, в свою очередь, запомнил, что Лера терпеть не может остывший чай, любит осенние улицы и может остановиться посреди дороги, если заметит красивый свет.

— Только под машину не лезь ради своего искусства, — написал он как-то.

— Спасибо, папочка, — ответила она.

— Вообще-то я помоложе.

— Вот именно. Поэтому слушай старших.

Он прислал целую россыпь смеющихся смайликов.

А Лера поймала себя на странном желании: ей хотелось рассказывать ему даже то, о чём обычно не рассказывают никому. Как она не выспалась. Как забыла дома зонт. Как коллега принесла пирог и весь отдел обсуждал, почему тесто не поднялось.

Глупости.

Но почему-то именно из этих глупостей складывалась близость.

* * *

В «Пойманном свете» объявили очередную тему недели — «Тепло».

Ника тут же написала Лере:

Ника:

Ну всё, художница. Жду шедевр!

Лера:

У меня чайник на кухне. Подойдёт?

Ника:

Если красиво снимешь — почему нет.

Лера:

А если некрасиво?

Ника:

Тогда скажем, что это современное искусство. Никто не рискнёт спорить.

Вечером Лера долго ходила по квартире с телефоном. Снимала чашку, лампу, кошелёк на подоконнике, потом почему-то хлебницу.

Последний снимок она удалила почти сразу.

— Всё, — пробормотала она. — Кажется, искусство сегодня отменяется.

Из комнаты выглянул муж.

— Ты чего там бродишь?

— Фотографию для конкурса пытаюсь сделать.

— Какого ещё конкурса?

— В сообществе. Тема «Тепло».

Он посмотрел на чашку, которую она переставляла уже в третий раз.

— Ну сфотографируй батарею. Теплее некуда.

И ушёл обратно к телевизору.

Лера несколько секунд стояла неподвижно.

Потом неожиданно рассмеялась.

— А ведь логично!

Она даже сделала снимок батареи и отправила Нике.

Ответ пришёл мгновенно.

Ника:

Это что?
Лера:

Тепло. В чистом виде. Муж подсказал.
Ника:

Гениально. Особенно носок, который сушится сбоку.
Лера:

Это художественная деталь!
Ника:

Лер, не надо. Я уже плачу.
Через минуту фотография улетела Артёму.
Артём:

Суровая правда жизни. А я-то думал, у вас там романтика.
Лера:

Есть. Носок одинокий. Ждёт свою пару.
Артём:

Вот бедолага. Я его понимаю.
Лера:

Тебя тоже на батарее сушат?

Артём:

Нет. Но внимания хочется не меньше.

— Ну конечно! — Лера покачала головой. — Куда же без этого!

* * *

Постепенно их разговоры стали длиннее.

Иногда они начинались с фотографии или шутки, а заканчивались обсуждением детства, родителей, работы, чужих ошибок и собственных мечтаний.

С Артёмом можно было дурачиться, а через минуту говорить совершенно серьёзно.

Лере нравилась эта перемена.

Однажды он прислал снимок, сделанный из окна на работе. На подоконнике стоял бумажный стаканчик с кофе. За стеклом — серое небо и какие-то трубы.

Артём:

Специально для тебя. Только не ругай композицию.

Лера:

Уже поздно. Ругаю.

Артём:

Жестокая женщина.

Лера:

А кофе почему в таком страшном стаканчике?
Артём:

Потому что вкус не зависит от красоты упаковки.
Лера:

Ого. Философ!
Артём:

Учусь у тебя.

Лера увеличила фотографию и вдруг поняла, что рассматривает не трубы и не кофе.

Ей хотелось представить, где он сейчас сидит. Как выглядит его рабочее место. Какая у него чашка дома. Привычно ли он морщит лоб, когда сосредоточен?

Ей хотелось знать о нём всё больше.

И это желание понемногу пугало.

За фотографиями и короткими сообщениями оставалась целая жизнь, в которой её не было.

В ней был его дом. Его семья. Его сын.

В ней была жена.

Лера это знала с самого начала. И сама была несвободна.

Поэтому иногда, когда Артём становился особенно нежным, ей хотелось остановить разговор.

Не потому, что он был неприятен.

Как раз наоборот.

Слишком приятен.

* * *

— Ник, я, кажется, влипла, — написала она однажды вечером.

Подруга ответила не сразу.

Ника:

В смысле? Что случилось?

Лера:

Да ничего. В этом-то и проблема.

Ника:

Потрясающее начало. Продолжай.

Лера:

Я всё время думаю об Артёме.

Ника:

А он?

Лера:

Что он?

Ника:

Тоже всё время думает о тебе?

Лера задумалась.

— Говорит, что да.

Ника:

Говорить можно много чего.

Лера:

Ну спасибо, утешила.

Ника:

Я не утешать собиралась. Я тебя спрашиваю: тебе самой чего хочется?

Лера положила телефон на стол.

Вопрос был неприятный. Не потому, что Ника лезла не в своё дело, — Лера сама начала этот разговор.

Просто на него не было удобного ответа.

Чего ей хотелось?

Чтобы Артём писал.

Чтобы не забывал.

Чтобы шутил, интересовался её делами, иногда говорил что-нибудь нежное.

Чтобы завтра снова было это маленькое, почти детское волнение при виде его имени.

Но ведь не скажешь же взрослому человеку: «Я хочу жить

от сообщения до сообщения».

Хотя именно так понемногу и получалось.

Лера взяла телефон.

Лера:

Не знаю. Мне с ним хорошо. Вот и всё.

Ника:

«Вот и всё» обычно говорят, когда там далеко не всё.

Лера:

Зануда.

Ника:

Люблю тебя тоже.

Немного погодя Ника прислала ещё одно сообщение.

Ника:

Лер, только себя не обманывай. Он женат. И ты замужем. Это не исчезнет от того, что вы оба умеете красиво шутить.

Лера перечитала слова подруги.

Она не разозлилась.

Ника была права. И от этого почему-то становилось ещё грустнее.

Лера:

Я знаю.

Ника:

Тогда просто помни об этом.

Лера:

Помню.

Она отправила ответ и посмотрела на экран.

С Артёмом в тот вечер они ещё не переписывались.

Ей хотелось написать первой.

Но вдруг вспомнился сын, о котором он рассказывал с такой теплотой. И его жена, о которой Лера почти ничего не знала, кроме самого факта её существования.

Вот ведь странно. Чужую семью я иногда представляю отчётливее, чем собственное будущее.

Она положила телефон экраном вниз.

На целых четыре минуты.

Потом перевернула обратно.

* * *

— Ты куда пропала? — спросил Артём следующим утром.

Лера остановилась посреди кухни, держа в руке ложку.

Лера:

Никуда. Дома была.

Артём:

Думал, обиделась.

Лера:

На что?

Артём:

Мало ли. Ты женщина загадочная.

Лера:

Это у тебя просто воображение богатое.

Артём:

Соскучился.

На этот раз она не стала шутить.

Слово было короткое и такое простое, что рядом с ним все её вчерашние рассуждения вдруг показались слишком громоздкими.

Лера:

Я тоже.

Она нажала «отправить» раньше, чем успела придумать безопасную приписку.

Артём:

Вот! Наконец-то честный ответ!

Лера:

Не порти момент!
Артём:

Молчу.
Прошло секунд десять.
Артём:

Но ты же понимаешь, что я сейчас улыбаюсь?
Лера:

Артём!!!
Артём:

Всё-всё. Молчу.
Она засмеялась.
И подумала, что Ника снова окажется права.
Потому что «мне с ним хорошо» действительно давно перестало означать «вот и всё».
* * *
Общение постепенно переместилось не только в привычные сообщения.
Лера начала замечать короткие видео, которые раньше просто пролистнула бы.
О том, что некоторые люди появляются в нашей жизни неслучайно.

О том, как странно скучать по человеку, которого ни разу не обнимал.

О встречах, для которых, кажется, не существует подходящего времени.

О нежности, которую трудно объяснить словами.

Когда-то она посмеялась бы над такими роликами.

Теперь задерживалась на каждом втором.

В один из вечеров Лера отправила Артёму видео с надписью: «Иногда очень хочется просто оказаться рядом».

И почти сразу пожалела.

Ну и зачем?

Она уставилась на экран.

Сообщение уже ушло.

Удалить?

Поздно. Вдруг он увидел?

А вдруг не увидел?

Господи, Лера, тебе сколько лет?

Она отложила телефон, решительно поднялась и пошла мыть посуду.

Из раковины шумела вода. Тарелки привычно звякали друг о друга.

В голове тем временем разворачивалась целая пьеса.

Он подумает, что я намекаю на встречу.

А разве не намекаю?

Нет. Просто ролик красивый.

Конечно. И случайно выбрала именно этот.

Когда вода уже успела остыть, телефон завибрировал.

Артём:

Это мне?

Лера:

Нет, соседу. Тебе случайно отправила.

Артём:

А я уже обрадовался.

Лера:

Ладно. Тебе.

Артём:

Я бы тоже хотел рядом.

Она опустилась на стул.

Впервые за этот вечер перестала придумывать остроумный ответ.

Вот оно как.

Ей было приятно. Очень.

И одновременно не по себе.

Между ними были километры, чужие дома, обязательства и совершенно разные повседневные жизни.

Но несколько слов на экране умудрялись делать это расстояние почти несуществующим.

Почти.

* * *

Однажды вечером Артём пропал из переписки прямо посреди разговора.

Не на час и не на два — до следующего утра.

Лера видела последнее сообщение и не могла понять, почему её это задело.

Никаких договорённостей ведь не было.

Он не обещал быть на связи постоянно. Не должен был объяснять каждую минуту своего отсутствия.

И всё-таки она несколько раз брала телефон.

Наконец утром пришло короткое:

Артём:

Доброе утро, зай. Вчера не смог написать. Дома дела были.

Лера почувствовала облегчение.

А за ним — неожиданную досаду на саму себя.

Ну вот. Теперь мне уже нужно объяснение, почему взрослый женатый мужчина вечером занят дома.

Артём:

Ты чего молчишь?

Лера:

Думаю.

Артём:

Опять? Опасное занятие.

Лера:

Артём, скажи честно. Ты ведь можешь нормально общаться только на работе?

Ответ пришёл не сразу.

Артём:

В основном да. Дома не всегда удобно.

Лера смотрела на эти слова дольше, чем следовало.

Ничего нового он не сказал.

Она прекрасно понимала всё и раньше.

Просто одно дело — знать, что у человека семья, и совсем другое — увидеть, как эта семья превращается в расписание вашей близости.

Утром можно.

В обед можно.

Когда дома никого нет — тоже.

А в остальное время приходится быть осторожными.

Лера набрала:

Лера:

Понимаю.

Потом добавила:

Лера:

Только знаешь, мне не хочется быть человеком, с которым разговаривают исключительно тогда, когда удобно спрятать телефон.

Она долго не отправляла сообщение.

Перечитала.

Стёрла.

Вместо него написала:

Лера:

Ладно. Хорошего тебе рабочего дня.

И тут же рассердилась.

На себя.

Зачем ты сделала вид, что всё хорошо?

Она прекрасно знала ответ.

Потому что не хотела портить то хорошее, что между ними появилось.

Потому что боялась услышать не те слова.

И, если уж совсем откровенно, потому что пока сама не понимала, какого ответа ждёт.

* * *

В субботу Лера отправилась гулять с фотоаппаратом, который давно лежал без дела.

День выдался ясным и прохладным. На деревьях уже проступала желтизна, в парке пахло влажными листьями.

Она бродила по дорожкам, снимала скамейки, отражения в воде и солнечные пятна на коре деревьев.

Иногда всё-таки получалось отвлечься.

А потом ей вдруг захотелось показать Артёму один кадр.

На фотографии две дорожки расходились у старого клёна. На одной лежала полоса солнечного света, другая уходила в тень.

Лера отправила снимок.

Артём ответил через несколько минут.

Артём:

Красиво. Только зачем ты опять развилку сняла?

Лера:

А что не так с развилкой?

Артём:

Ничего. Просто куда ни посмотришь — у тебя дороги, окна и дождь. А люди где?

Лера задумалась.

Лера:

Наверное, мне больше нравится наблюдать за миром, чем вмешиваться в него.

Артём:

Не верю.

Лера:

Почему?

Артём:

Ты вообще не похожа на человека, который умеет долго стоять в стороне.

Она улыбнулась.

И только спустя какое-то время поняла, что этот случайный разговор удивительно точно коснулся того, о чём она молчала даже перед собой.

Она уже не стояла в стороне.

Она давно вошла в историю, исход которой не могла представить.

* * *

Фотографию для конкурса Лера всё-таки выбрала другую.

Старое окно на первом этаже. За стеклом горела настольная лампа, рядом стояла кружка. Снаружи — холодный вечер, мокрые ветви, первые жёлтые листья.

«Тепло», — назвала она снимок.

Ника оценила работу первой.

Ника:

Ну вот! А говорила, только батарею можешь снять.

Лера:

Батарея тоже была достойная!
Ника:

Особенно носок.
Лера:

Ты мне его теперь всю жизнь припоминать будешь?
Ника:

Обязательно.
Артём оставил под публикацией короткий комментарий: «Хочется оказаться внутри этого кадра».
Лера увидела его среди остальных и почему-то почувствовала себя так, будто он обратился к ней посреди шумной комнаты.
Не громко.
Но она услышала.
В личных сообщениях появился ещё один текст.
Артём:

Там внутри тепло?
Лера:

Думаю, да.
Артём:

А ты сама где?

Лера:

Снаружи. С фотоаппаратом. Где же ещё?

Артём:

Вот и зря. Тебе тоже погреться надо.

Она перечитала сообщение.

Снова захотелось ответить шуткой.

Но впервые за долгое время Лера вдруг ясно почувствовала, что устала всё превращать в шутку.

Лера:

Наверное.

На этом их разговор ненадолго затих.

Лера отложила телефон, подошла к окну и посмотрела во двор.

В соседнем доме загорались огни. В одном окне кто-то двигал шторы, в другом мелькнула детская фигурка, в третьем женщина накрывала на стол.

Каждый светящийся прямоугольник скрывал целую жизнь.

Счастливую или не очень.

Она подумала об Артёме. О его доме, который никогда не видела. О людях, которые там жили. О собственной кварти-

ре, где всё было привычным, понятным и почему-то таким далёким от того, о чём ей хотелось мечтать.

Что же ты делаешь, Лера?

Ответа не было.

Впрочем, один она знала совершенно точно.

Ей больше не хотелось притворяться, будто Артём для неё просто приятель из интернета.

Телефон засветился.

Артём:

Скучаю по тебе.

Лера глубоко вдохнула.

Раньше она обязательно написала бы что-нибудь колкое.

«Опять?»

«Заняться нечем?»

«Смотри, привыкнешь».

Но в этот раз не стала.

Лера:

И я по тебе скучаю.

Он ответил быстро.

Артём:

Сильно?

Лера улыбнулась, уже зная, что сейчас последует.

Лера:

Не начинай.

Артём:

Влюбилась в меня, значит?

— Несносный!

Она рассмеялась и покачала головой.

Пальцы зависли над клавиатурой.

Можно было привычно отшутиться.

Сказать, что ничего подобного.

Назвать всё лёгкой влюблённостью и поставить смеющийся смайлик.

В конце концов, она прекрасно освоила этот способ отступления.

Но зачем?

Лера посмотрела на фотографию тёплого окна, всё ещё открытую на экране.

Иногда за кадром оставалось гораздо больше, чем попадало в него.

Она медленно напечатала:

Лера:

А если да?

И отправила, прежде чем успела испугаться.

Несколько секунд рядом с его именем ничего не происходило.

Потом появились три маленькие точки.

Лера смотрела на них, не отрываясь.

Теперь ей впервые хотелось не спрятаться за шуткой, а услышать ответ.

Точки исчезли.

Появились снова.

И наконец пришло сообщение.

Артём:

Тогда я очень счастлив.

Лера закрыла глаза.

Она знала, что завтра начнётся обычный день.

Будут работа, домашние дела, усталость, разговоры ни о чём.

Артём снова окажется где-то далеко, в своей настоящей жизни, к которой она не имела отношения.

Всё это никуда не исчезло.

Но сейчас ей было тепло.

Так тепло, будто она наконец оказалась по ту сторону того самого окна, которое сфотографировала.

И от этой мысли становилось одновременно радостно и страшно.

Потому что по-настоящему важное обычно начинается не тогда, когда другой человек признаётся тебе в любви.

А тогда, когда ты сама перестаёшь делать вид, что ничего не происходит.

Глава 3. Почти рядом

Утром Лера проснулась на несколько минут раньше будильника.

За окном было ещё темно. Где-то во дворе хлопнула автомобильная дверь, по мокрому асфальту зашуршали колёса.

Она потянулась за телефоном.

Вчерашняя переписка всё ещё была открыта.

«А если да?»

«Тогда я очень счастлив. »

Лера прочитала эти два сообщения, уткнулась носом в подушку и улыбнулась.

— Господи. Ну как девчонка.

Сказала это вслух. Для убедительности.

Убедительность, правда, не сработала.

Она снова посмотрела на экран.

И вдруг представила, что Артём уже открыл глаза где-то далеко, в своей квартире, что сейчас он тоже возьмёт телефон и увидит их вчерашний разговор.

Интересно, он будет улыбаться?

Ответ пришёл прежде, чем успел зазвонить будильник.

Артём:

Доброе утро, моя хорошая

Лера:

Доброе. Ты что, совсем не спишь?
Артём:

Проснулся и сразу вспомнил одну девушку.
Лера:

Какую ещё девушку?
Артём:

Красивую. Вредную. С фотоаппаратом.
Лера:

Не знаю такую.
Артём:

А вчера она мне кое в чём призналась.
Лера прикусила губу.
Ну началось.
Лера:

Ничего я не признавалась!
Артём:

Ага. Я всё сохранил.
Лера:

Шантажист!

Артём:

Зато счастливый.

Лера улыбнулась ещё шире.

Ей очень хотелось придумать достойный ответ. Что-нибудь колкое, чтобы сразу поставить этого самоуверенного мужчину на место.

Но вместо этого она написала:

Лера:

Ну и хорошо. Мне нравится, когда ты счастлив.

Несколько секунд он ничего не отвечал.

Потом прислал:

Артём:

Лерочка…

И почему-то именно это короткое сообщение заставило её покраснеть.

* * *

В тот день Лера несколько раз ловила себя на совершенно нелепом занятии.

Она вспоминала чужие слова и мысленно произносила их с разными интонациями.

Моя хорошая.

Лерочка.

Красотка.

В обычной жизни она, наверное, рассмеялась бы, услышав столько ласковых обращений от мужчины, с которым даже не встречалась.

Теперь же эти слова словно обживались внутри неё.

За обедом коллега что-то рассказывала про отпуск, другая возмущалась ценами в магазине, а Лера вдруг улыбнулась прямо над тарелкой супа.

— Ты чего? — спросила соседка.

— Ничего.

— А улыбка такая, будто тебе премию дали.

— Лучше. Суп вкусный.

— Лер, ты его ещё даже не попробовала.

Лера посмотрела на полную ложку, зависшую в воздухе.

— Ну, значит, предчувствие хорошее.

Коллега покачала головой.

— Чудная ты сегодня.

Если бы ты знала насколько.

* * *

Вечером Ника позвала Леру в небольшую кофейню возле парка.

За окнами уже зажигались фонари. На столе между ними стояли две чашки, тарелка с пирожным и Никен фотоаппарат, который подруга принесла похвастаться новым объективом.

— Смотри, какой красавец, — сказала Ника, осторожно вынимая его из сумки.

— Объектив или фотограф?

— Лера, я сейчас этим объективом тебе по лбу дам.

— Только аккуратно. Дорогой ведь.

Они рассмеялись.

Ника показала несколько снимков, сделанных по дороге, долго объясняла разницу между фокусными расстояниями и наконец заметила, что подруга слушает её с отсутствующим видом.

— Так, — сказала она, отложив фотоаппарат. — Признавайся.

— В чём?

— В том, что я тут распинаюсь про стекло за бешеные деньги, а ты мысленно переписываешься со своим Артёмом.

— Неправда!

Телефон Леры коротко засветился.

Обе одновременно посмотрели на экран.

Артём:

*Как моя красавица? *

Ника медленно подняла глаза.

Лера вздохнула.

— Не начинай.

— Я ничего не сказала.

— Вот именно это твоё молчание меня и пугает.

Ника потянулась за пирожным.

— Ладно, рассказывай.

— Что?

— Лер!

И Лера рассказала.

Не всё, конечно. Некоторые слова и разговоры ей хотелось оставить только между собой и Артёмом. От этого они казались особенно дорогими.

Но она призналась, что ждёт его сообщений, что радуется каждому нежному обращению, что сама уже не уверена, где закончился флирт и началось чувство.

Ника слушала молча.

— Я ведь понимаю, — сказала Лера, помешивая давно остывший кофе. — Понимаю, что всё это неправильно. Мы оба несвободны.

— Понимаешь, — согласилась подруга. — Только понимание почему-то не помогает.

— Вообще ни капельки.

— А что ты от него хочешь?

Лера подняла взгляд.

— Ты уже спрашивала.

— Потому что ты так и не ответила.

— Не знаю, Ник.

Она помолчала.

— Знаешь, раньше у меня всё было понятно. Работа, дом, дела. Вроде живёшь. Вроде всё как у людей. А тут появляется человек, пишет какую-нибудь ерунду, присылает поце-

луйчик — и ты сидишь как дурочка, улыбаешься.

— А что в этом плохого?

— В том, что начинаешь ждать не просто сообщения. Начинаешь ждать человека.

Ника осторожно положила ложку.

— Вот это уже серьёзнее.

— Думаешь, я не понимаю?

— Думаю, понимаешь. Просто сейчас тебе очень хочется, чтобы всё было проще, чем есть.

Лера посмотрела в окно.

По тротуару шли двое, держась за руки. Девушка что-то оживлённо рассказывала, мужчина наклонился к ней и рассмеялся.

Лера поспешно отвела глаза.

— Я ничего от Артёма не требую, — сказала она. — Правда. Не строю планов. Он ничего мне не обещал.

— Я и не говорю, что обещал.

— Мне просто хорошо.

Ника мягко улыбнулась.

— Тогда не забывай, что тебе должно быть хорошо не только тогда, когда он появляется в сети.

Эта фраза почему-то осталась с Лерой до самого вечера.

* * *

Артём написал, когда она уже возвращалась домой.

Артём:

*Ты где потерялась, девочка моя? *

Лера:

С подругой гуляла.

Артём:

А обо мне рассказывала?

Лера остановилась возле перехода.

— Ничего себе самомнение!

Лера:

С чего ты взял?

Артём:

*Ну а о ком ещё? *

Лера:

Вообще-то мы обсуждали фотографию.

Артём:

А меня фотографировать не хотите?

Лера:

Тебя сначала поймать надо. Ты же далеко.

Артём:

А если бы я оказался рядом?

Она перечитала вопрос.

Машины проезжали по мокрой дороге. Светофор переключился на зелёный, люди вокруг двинулись вперёд.

Лера пошла вместе с ними, стараясь смотреть под ноги.

А если бы оказался?

До сих пор расстояние было удобным.

Оно позволяло говорить смелее, чем получилось бы лицом к лицу.

Можно было написать «скучаю», отправить сердечко, представить объятия.

И оставаться в безопасности — по разные стороны экранов.

Но в его вопросе вдруг появился настоящий человек. С руками, голосом, походкой. С глазами, в которые пришлось бы смотреть.

Лера:

Наверное, я бы сначала смутилась.

Артём:

*А потом? *

Лера:

Потом рассмеялась бы. От нервов.

Артём:

А я бы обнял тебя.

Она остановилась на другой стороне улицы.

Дальше идти было куда.

Просто на несколько секунд мир вокруг словно стал тише.

Лера:

*Ты всегда такой смелый на расстоянии? *

Артём:

*Хочешь проверить? *

— Ах ты, несносный!

Лера спрятала телефон в карман.

Она не ответила.

Не потому, что не хотела.

А потому, что ответ внезапно перестал казаться простой шуткой.

* * *

Дома пахло жареным луком.

Муж что-то готовил на кухне, недовольно переставляя сковородку с конфорки на конфорку.

— Ты поздно, — сказал он.

— С Никой встретилась. Я же говорила.

— А. Ну да.

Он бросил на неё короткий взгляд.

— Будешь есть?

— Давай попозже. Я кофе напилась.

— Опять у тебя этот кофе вместо нормальной еды.

— Не начинай.

Муж пожал плечами и вернулся к плите.

Лера повесила куртку, вымыла руки и заглянула в холодильник.

Обычный вечер.

Ничего ужасного не происходило.

И от этого временами становилось ещё сложнее разобраться в себе.

Нельзя было сказать, что их семейная жизнь состояла только из ссор. Бывали спокойные дни. Бывали даже шутки и совместные ужины.

Но что-то важное между ними давно истончилось.

Как ткань, которую слишком долго носили и слишком

редко берегли.

Она не могла точно вспомнить, когда перестала ждать от мужа нежности.

Наверное, подобное редко случается за один день.

Просто однажды перестаёшь ждать.

— Чего стоишь? — спросил он.

— Да так. Задумалась.

— Иди переодевайся. Остынет всё.

Лера кивнула.

В комнате телефон снова коротко засветился.

Артём:

*Я не напугал тебя, зай? *

Она села на край кровати.

Вот ведь удивительный человек.

Сначала доведёт до смущения своими намёками, а потом спросит, не испугал ли.

Лера:

Нет. Просто я не привыкла к таким разговорам.

Артём:

*Хорошо. Не буду торопить. *

Она улыбнулась.

В первый раз он тоже так ответил.

И тогда сдержал слово.

Ненадолго, конечно: его шутки и намёки никуда не делись. Но теперь Лера уже сама не всегда хотела останавливать разговор.

Это тоже была правда.

* * *

Однажды Артём предложил небольшую игру.

Артём:

Давай по три вопроса. Только честно отвечать.

Лера:

*Ты уверен, что тебе это надо? *

Артём:

Уверен. Начинай.

Она задумалась.

Лера:

Чего ты больше всего боишься?

Артём:

Вот сразу так? Сложно!

Лера:

Сам предложил.

Он не отвечал почти минуту.

Артём:

Наверное, что с сыном что-то случится. Даже думать не хочу.

Лера перестала улыбаться.

В этих словах было столько простой, незащищённой отцовской тревоги, что ей вдруг стало очень тепло к человеку по ту сторону экрана.

Не за комплименты.

Не за поцелуйчики.

За эту короткую, почти неосознанную откровенность.

Лера:

Понимаю тебя.

Он отправил фотографию детского рисунка — кривоватое солнце, человечки и что-то, похожее на огромную зелёную собаку.

Артём:

*Вот шедевр. Мне сегодня подарили. *

Лера:

Это собака?

Артём:

*Не знаю. Я побоялся уточнять. *

Лера рассмеялась.

Лера:

Сохрани. Такие шедевры бесценны.

Артём:

Обязательно.

Он и раньше рассказывал о сыне.

Но теперь Лера впервые так ясно почувствовала, что Артём — не только собеседник, который умеет говорить нежные слова.

Он ещё и отец, для которого чей-то маленький мир был самым важным на свете.

И эта часть его жизни одновременно приближала его к ней и напоминала о границах, которые никуда не исчезли.

— Теперь мой вопрос, — написал он.

Артём:

Когда ты в последний раз была по-настоящему счастлива?

Лера долго смотрела на экран.

Пыталась вспомнить какую-нибудь поездку, праздник или событие.

Но вместо этого в памяти всплыло сегодняшнее утро: она стояла перед зеркалом, заплетала волосы и тихо улыбалась сообщению с глупой шуткой.

Разве можно назвать это счастьем?

Наверное, можно.

Хотя бы маленьким.

Лера:

Сегодня.

Артём:

Правда?

Лера:

Правда.

Артём:

А почему?

Лера:

*Это уже второй вопрос! *

Артём:

Хитрая!

Лера:

Учусь у тебя.

Он ответил целой строкой сердечек.

Лера смотрела на них и думала о том, как странно устроен человек.

Можно прожить рядом с кем-то долгие годы и постепенно перестать говорить о самом важном.

А можно несколько недель переписываться с незнакомцем и неожиданно признаться ему в том, в чём самому себе не решался.

* * *

Третий вопрос Артём задал поздно вечером.

В этот раз он появился в сети непривычно поздно.

Артём:

*Не спишь, моя хорошая? *

Лера:

Пока нет. А ты чего так поздно?

Артём:

Дома тихо. Есть немного времени.

Лера перечитала фразу.

Есть немного времени.

Когда-то это прозвучало бы совершенно обыденно.

Теперь она уже знала, что означает это «немного».

Он не мог писать ей в любой момент.

Иногда исчезал на несколько часов, иногда на весь вечер.

И не потому, что она ему обязательно была безразлична.

Просто у каждого из них существовала жизнь, в которой другому не было места.

И всё же в эту минуту Артём был здесь.

С ней.

Артём:

Можно последний вопрос?

Лера:

Давай.

Артём:

Ты когда-нибудь жалела, что ответила мне тогда?

Она удивлённо приподняла брови.

Вот уж чего не ожидала.

Не очередной откровенный намёк.

Не шутка.

Совсем другой вопрос.

Лера задумалась.

Она ведь могла не ответить.

Могла закрыть сообщение незнакомца и никогда больше к нему не возвращаться.

Могла решить, что слишком молодой мужчина, который так настойчиво флиртует, ей совершенно ни к чему.

И тогда всё осталось бы по-прежнему.

Никаких ласковых слов.

Никакого ожидания.

Никаких тревожных мыслей о чужой семье.

Никаких улыбок перед экраном.

Было бы проще?

Да.

Было бы лучше?

Лера не знала.

Но почему-то не хотела проверять.

Лера:

Нет. Ни разу.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Артём:

*И я, родная. Ни разу. *

Она прижала телефон к груди.

Совсем ненадолго.

А потом рассмеялась над собой.

— Лера, тебе точно сорок с лишним?

Нет, наверное, с возрастом человек не становится неуязвимым.

Просто учится лучше скрывать, что ему тоже хочется нежности.

* * *

В следующие дни Артём стал чаще просить её фотографию.

Не очередной городской пейзаж.

Не кофе, не парк и не дождь.

Её саму.

Артём:

*Хочу тебя увидеть. Пришли моську, красавица *

Лера:

Моська сегодня не в настроении.

Артём:

*А я всё равно хочу. *

Лера:

Ты неисправим.

Артём:

*Это да. *

Она открыла камеру.

Посмотрела на себя.

Волосы кое-как собраны, дома старый удобный свитер. После рабочего дня лицо казалось уставшим.

Ну нет. Такое отправлять нельзя.

Она поправила волосы, повернулась к свету.

Сделала снимок.

Удалила.

Ещё один.

Удалила.

На третьем вроде бы получилось получше.

Лера смотрела на фотографию с недоверием.

А что, собственно, не так?

Ничего.

Нормальная женщина.

Не идеальная.

Но живая.

И, кажется, улыбается.

Она отправила снимок, пока не передумала.

Артём ответил почти сразу.

Артём:

*Ух ты, моя красотка *

Лера закатила глаза.

Лера:

*Только не начинай! *

Артём:

*А что? Я правду говорю. Какая ты нежная. *

Она неожиданно смутилась сильнее, чем от всех его прежних намёков.

Потому что на этой фотографии не было ничего особенного.

Ни красивого платья.

Ни макияжа.

Ни тщательно выбранного ракурса.

Просто она.

И ему понравилось.

Лера снова открыла снимок.

А ведь действительно ничего ужасного.

Она даже сохранила фотографию в отдельную папку.

Не для Артёма.

Для себя.

Чтобы однажды вспомнить, как выглядела женщина, которая начала улыбаться своему отражению.

* * *

В пятницу вечером она лежала на диване, листая короткие видео.

Одно зацепило её сильнее остальных.

Никакой сложной истории. Несколько сменяющихся кадров и слова о том, что иногда человек появляется неожиданно и меняет привычный ход дней.

Лера пересмотрела ролик.

Потом ещё раз.

Как будто про нас.

Она понимала, насколько наивно звучит эта мысль.

И всё равно отправила видео Артёму.

Без подписи.

Просто поделилась тем, что почувствовала.

Через несколько минут пришло:

Артём:

*Моя девочка… *

А следом:

Артём:

Я тоже рад, что ты у меня появилась.

Лера улыбнулась.

Они могли часами переписываться, придумывать шутки, дразнить друг друга.

А иногда хватало одной короткой фразы.

Она ответила:

Лера:

И я рада. Очень.

Потом добавила поцелуй.

Один.

Артём тут же прислал пять.

Лера:

Жадина!

Артём:

*А ты мало даёшь. *

Лера:

Не наглей!

Артём:

*Поздно. *

Лера засмеялась.

В этой игре не было ничего необычного.

Именно поэтому она становилась такой опасно приятной.

Сердечки, шутки, поцелуйчики — всё легко, почти невесомо.

Но за ними уже стояли чувства, которые нельзя было выключить вместе с экраном.

* * *

Позже Артём написал:

Артём:

Представь на минутку, что я сейчас рядом.

Лера посмотрела на телефон.

Лера:

*Ты опять за своё? *

Артём:

Нет. Просто представь.

Она огляделась.

В комнате было тихо. На столе стояла недопитая чашка чая, за окном медленно качались ветви деревьев.

Представить оказалось неожиданно легко.

Мужчина, которого она знала только по фотографиям и сообщениям, вдруг словно обрёл вес и движение.

Вот он стоит в дверях, немного улыбается.

Вот смотрит на неё тем самым уверенным взглядом.

А она понятия не имеет, куда девать руки.

Лера:

Представила.

Артём:

И что бы сделала?

Лера:

*Наверное, сначала спросила бы, как ты вообще сюда попал. *

Артём:

Ну вот. Всю романтику испортила.

Лера:

Сам виноват. Вопросы задаёшь.

Он прислал смеющийся смайлик.

А потом написал:

Артём:

*Я бы просто обнял тебя. Крепко-крепко. *

Лера перестала улыбаться.

Не потому, что слова её огорчили.

Наоборот.

В этих объятиях, которых никогда не было, вдруг почувствовалось столько тепла, что ей захотелось закрыть глаза.

Она представила, как можно хотя бы на несколько секунд перестать быть сильной, рассудительной, занятой взрослой женщиной.

Не решать ничего.

Не объяснять.

Просто стоять рядом с человеком, который рад тебя видеть.

Ей даже показалось, что она знает, как это могло бы быть.

И от этой мысли стало немного страшно.

Лера:

Не дразни меня, Артём.

Ответ пришёл не сразу.

Артём:

*Прости, зай. Не хотел расстроить. *

Лера выдохнула.

Лера:

Ты не расстроил.

Она помедлила.

Лера:

Просто иногда очень жаль, что мы так далеко.

Он ответил быстро.

Артём:

*Мне тоже, моя хорошая. *

И на этот раз Лера не стала отшучиваться.

* * *

Когда она наконец отложила телефон, за полночь уже давно перевалило.

Дом спал.

Лера подошла к окну.

Во дворе было темно, только в нескольких квартирах ещё горел свет.

Она вспомнила, как совсем недавно фотографировала такое же окно для конкурса «Тепло».

Тогда её интересовало, какая история скрывается за стеклом.

А теперь она всё чаще думала о собственной.

О женщине, которая каждое утро собиралась на работу, готовила ужин, ходила по магазинам, смеялась с подругой.

И ещё — любила одного мужчину на расстоянии.

Эта последняя мысль возникла так неожиданно, что Лера даже выпрямилась.

Любила?

Слово было слишком серьёзным.

Слишком большим.

Она попыталась мысленно заменить его привычным:

Лёгкая влюблённость.

Не получилось.

Симпатия.

Тоже не то.

Лера прислонилась лбом к прохладному стеклу.

Она не знала, что будет дальше.

Не представляла, как можно совместить эту внезапную близость с двумя чужими друг другу семьями, с расстоянием, с настоящей жизнью.

Не знала даже, встретятся ли они когда-нибудь.

Но впервые перестала спорить с собственным сердцем.

Ей хотелось быть рядом с Артёмом.

Хотелось слышать, как он смеётся.

Хотелось хотя бы раз посмотреть ему в глаза, когда он говорит свои бесконечные «моя хорошая» и «красотка».

Хотелось узнать, что останется от их нежности, если однажды между ними не будет экрана.

Телефон тихо засветился.

Артём:

*Спокойной ночи, родная. Целую тебя нежно. *

Лера улыбнулась.

И ответила:

Лера:

*Спокойной ночи. Обнимаю. *

Она не стала добавлять ни одной шутки.

Не стала писать, что это всего лишь лёгкая влюблённость.

И даже не попыталась убедить себя, будто завтра всё пройдёт.

Просто положила телефон рядом с подушкой.

В эту ночь расстояние между двумя городами казалось ей удивительно маленьким.

Почти несуществующим.

Они были так далеко друг от друга.

И так близко, насколько вообще могут быть близки два человека, которые ещё ни разу не держались за руки.

Глава 4. Только для тебя

— Зарядку мою не видела?

Лера подняла голову от чашки.

Муж стоял посреди кухни с дорожной сумкой в руке. Из расстёгнутого бокового кармана торчал рукав свитера.

— В спальне. У кровати, — ответила она. — Я вчера на полку положила.

— Ага. Спасибо.

Он ушёл за зарядкой, а Лера снова взглянула на телефон.

Артём:

Доброе утро, моя красавица

Лера:

Доброе, мой неугомонный. Ты уже на работе?

Артём:

Уже. А ты чем занята?

Она посмотрела на сумку у двери.

Лера:

Муж в командировку собирается. На несколько дней.

Ответ появился почти сразу.

Артём:

Значит, моя девочка будет одна?
Лера:

Моя девочка? Это ты про кого сейчас?
Артём:

Про самую красивую женщину из «Пойманного света».
Лера:

Осторожнее. Там другие женщины есть. Вдруг обидятся?
Артём:

Пусть. У меня одна любимая фотографиня.

— Лер, а ключи запасные где?

Она едва не выронила телефон.

— В ящике, где всегда!

Муж вернулся, положил зарядку в сумку и, наконец, застегнул молнию.

— Я там лампочку в коридоре заменил, — сказал он. — А то ты всё жаловалась. Если что-то случится, звони.

— Хорошо.

— Еду не забывай нормальную. А то опять кофе и бутерброды.

Лера невольно улыбнулась.

— Буду стараться.

Он чмокнул её куда-то возле виска, взял сумку и вышел.

Не было ни ссоры, ни тяжёлого разговора. Всё привычно, буднично.

Он заботился о ней так, как умел. Не всегда нежно, не всегда внимательно к тому, что происходило у неё внутри. Но и совсем чужим человеком он не был.

Лера проводила его до двери.

Щёлкнул замок.

В квартире стало тихо.

Она вернулась на кухню, допила остывший чай и вдруг обнаружила, что ей не хочется включать ни музыку, ни телевизор.

Тишина была приятной.

В ней можно было никому ничего не объяснять.

Телефон снова загорелся.

Артём:

Ну что, свободная женщина, какие планы?

Лера:

Начну с того, что перемою полы. Потом суп. Потом героически лягу спать.

Артём:

Какой кошмар. И ни минутки для меня?

Лера:

Если будешь хорошо себя вести, выделю тебе пять минут.

Артём:

Пять?! Я рассчитывал хотя бы на шесть!

Лера рассмеялась.

Она ещё не знала, что именно эти «пять минут» скоро начнут значить для неё гораздо больше, чем весь остальной день.

* * *

К вечеру квартира приобрела тот особенный вид, который бывает только после уборки.

На кухне блестела раковина, на столе стояла ваза с яблоками, по комнате тянулся лёгкий запах чистого белья.

Лера устроилась на диване с телефоном.

На экране висело новое сообщение.

Артём:

Что делаешь, зай?

Лера:

Наконец отдыхаю. А ты?

Артём:

Ужин готовлю. Жена с работы скоро придёт.

Лера перечитала ответ.

Ужин готовит.

Почему-то ей сразу представились его руки. Как он режет овощи, пробует соус, открывает духовку. Совсем домашний мужчина. Не тот самоуверенный нахал, который может посреди рабочего дня написать что-нибудь заставляющее её краснеть.

Лера:

Сам готовишь?

Артём:

А кто ещё? Я, между прочим, хозяйственный.

Лера:

Да ты сокровище просто!

Артём:

Вот. Хоть одна женщина меня оценила.

Лера:

Не зазнавайся. Может, у тебя всё подгорает.

Артём:

Я бы тебе показал, но ты опять начнёшь ругать композицию.

И прислал фотографию сковороды.

Лера увеличила изображение.

— Ого! — сказала она вслух.

Выглядело действительно аппетитно.

Лера:

Сдаюсь. Выглядит вкусно.

Артём:

Приезжай. Накормлю.

Лера:

Вот возьму и приеду. Ты потом не жалуйся.

Артём:

Не буду.

Она улыбнулась.

А затем представила, как через какое-то время он поставит ужин на стол. Как домой вернётся его жена. Как они будут говорить о прошедшем дне. Возможно, вместе сядут за стол, а потом займутся обычными делами.

Всё это было совершенно естественно.

И всё же Лере стало немного неуютно.

Она поймала себя на том, что пытается представить не его жену, а себя — на её месте.

Вот ведь глупость какая.

Она закрыла переписку.

Через минуту открыла снова.

* * *

Позднее Артём появился с коротким:

Артём:

Ты ещё не спишь, моя хорошая?

Лера:

Я только начала отдыхать. До сна далеко.

Артём:

Тогда можно я побуду с тобой?

Она улыбнулась.

Лера:

Ты и так со мной весь день.

Артём:

Мало.

Он умел так отвечать.

Сначала шутка, потом два простых слова — и от их нежности у Леры вдруг становилось тепло в груди.

Они поговорили о пустяках: о его работе, о забавном комментарии под фотографией, о том, что Лера умудрилась купить новые яблоки, хотя дома уже лежало полное блюдо старых.

Потом Артём попросил прислать её фотографию.

Лера:

Ты сегодня уже видел мою моську.

Артём:

Одного раза мало. Я скучаю.

Лера:

Ты неисправимый попрошайка!

Артём:

Только когда дело касается тебя.

Она включила фронтальную камеру.

На ней была мягкая домашняя кофта. Волосы свободно лежали на плечах, лицо после душа ещё немного порозовело.

Она сделала снимок.

Посмотрела.

Нормально.

Потом увеличила.

Нет, щёки ужасно круглые.

Удалила.

Следующий получился слишком серьёзным.

Ещё один — смешным.

На четвёртом она наконец улыбалась так, как улыбалась только что его сообщениям.

Лера отправила фотографию.
Ответ прилетел через несколько секунд.
Артём:

Моя красавица!
Артём:

Вот скажи, как можно быть такой красивой?
Лера:

Ой, только не начинай! Я и так полчаса с камерой воевала.
Артём:

Зря. Мне ты любая нравишься.
Она уставилась на экран.
Любая.
Удобное слово.
Ему легко было сказать.
А ей почему-то невероятно трудно поверить.
Лера:

Ты меня совсем избалуешь.
Артём:

Для этого и стараюсь.
* * *

Постепенно обычная переписка становилась всё более личной.

Артём умел начать с безобидного вопроса и за несколько сообщений сделать так, что Лера переставала замечать время.

Он писал о том, как хотел бы оказаться рядом, обнять её, поцеловать. Иногда его фантазии становились гораздо смелее.

Раньше она немедленно пряталась за смайликами.

Теперь всё чаще отвечала.

Уговаривать её не пришлось.

Просто ей самой этого хотелось.

Она удивлялась собственным словам, краснела, закрывала ладонью лицо — и всё-таки продолжала разговор.

Артём:

Смущаешься, зай?

Лера:

Очень.

Артём:

А мне кажется, тебе нравится.

Она посмотрела на экран.

Нахал.

И при этом поняла, что спорить не хочет.

Лера:

Может, и нравится. Немножко.

Артём:

Опять «немножко»?

Лера:

Не привыкай!

Артём:

Поздно. Я уже к тебе привык.

Лера замерла.

Он легко бросил эту фразу, словно продолжал шутку.

А для неё слово «привык» уже давно не было смешным.

Привыкла и она.

К его сообщениям с утра.

К тому, как он обращался к ней.

К тому, что можно сказать человеку какую-нибудь глупость и он не отмахнётся, а подхватит игру.

К тому, что он желал ей спокойной ночи так ласково, словно находился совсем рядом.

Лера:

А это опасно.

Артём:

Что именно?
Лера:

Привыкать к человеку, которого нет рядом.
На этот раз он ответил не сразу.
Артём:

Знаю, родная.
Она прижала телефон к груди.
И не стала спрашивать, что именно он знает.
* * *
В какой-то момент Артём попросил фотографию, которую Лера не стала бы выкладывать в общее сообщество.
Она сразу поняла, какую именно.
Лера:

Даже не мечтай!
Артём:

Ну моя хорошая…
Лера:

Я стесняюсь!
Артём:

Не хочу, чтобы ты делала что-то через силу. Правда.

Она перечитала ответ.

Потом посмотрела на себя в зеркало.

Ещё недавно ей и в голову бы не пришло, что она станет рассматривать своё отражение, пытаясь увидеть себя чужими влюблёнными глазами.

Не выискивать недостатки.

Не думать только о том, что хотелось бы изменить.

А просто представить: *что он видит, когда смотрит на меня?*

Телефон молчал.

Артём не настаивал.

И именно от этого ей вдруг захотелось самой решить, насколько откровенной она готова быть.

Она сделала фотографию.

Посмотрела на неё долго, с любопытством и смущением.

Передумала отправлять.

Потом снова открыла переписку.

Это ведь мой выбор.

Она нажала «отправить».

И тут же положила телефон экраном вниз.

— Всё. Теперь можно умереть от стыда.

Не прошло и минуты.

Телефон завибрировал.

Лера перевернула его одной рукой, второй зачем-то прикрывая лицо.

Артём:

Лерочка…

Следом пришло ещё несколько сообщений.

Он восхищался ею, говорил, какая она желанная, как сильно хотел бы оказаться рядом.

Лера читала их с пылающими щеками.

Ей нравилось ощущение, что она может вызвать у мужчины такое восхищение.

Не идеальной внешностью.

Не умением красиво одеться.

А просто тем, что она — это она.

И тем, что сама захотела поделиться чем-то настолько личным.

Артём:

Можно я сохраню? Только для себя.

Лера снова смутилась.

Лера:

А если кто-нибудь увидит?

Артём:

Никто не увидит. Я спрячу.

Лера:

Куда?

Артём:

Есть у меня надёжное облачное хранилище. Не переживай, красавица.

Она нахмурилась.

В облако?

Почему-то ей стало не по себе.

Фотография, которую она отправила в порыве нежности, вдруг перестала казаться чем-то существующим только между ними в этот вечер.

Теперь у неё могла появиться собственная жизнь.

Отдельно от Леры.

От её настроения, доверия и даже желания.

Лера:

Нет, Артём. Лучше удали потом. Ладно?

Он ответил шуткой.

А потом ещё одной.

Она невольно улыбнулась, но попросила снова.

Лера:

Я серьёзно. Мне так будет спокойнее.

Артём:

Ну не сердись, моя хорошая. Ты у меня такая красивая.

Лера долго смотрела на экран.

Это было приятно.

Но это не было ответом.

Может, я зря переживаю?

Она не знала.

И всё же решила, что больше не хочет сейчас обсуждать хранилища и фотографии.

Вечер, который начинался таким волнующим, вдруг стал слишком сложным.

Артём заметил перемену.

Артём:

Лер, я тебя расстроил?

Лера:

Немного.

Артём:

Прости. Не хотел.

Она глубоко вдохнула.

Лера:

Давай просто поговорим?

Артём:

Давай, родная. Я здесь.

И они заговорили.

Не о фотографии.

Не о том, кто кому что должен.

О смешном случае на работе, о музыке, о том, какую еду оба терпеть не могут.

Постепенно Лера снова расслабилась.

Но одна мысль осталась.

Доверять человеку и отдавать ему право решать за тебя — всё-таки не одно и то же.

* * *

В воскресенье Артём написал после обеда.

Артём:

Приветик, моя сладкая. Как твой день?

Лера:

Лениво. А твой?

Артём:

Гуляем с сыном. Он сегодня главный по маршруту.

Лера:

И куда ведёт?

Артём:

Пока по всем лужам подряд. Думаю, скоро поплывём.

Лера рассмеялась.

Лера:

Зато весело!

Артём:

Ему да. А мне потом ботинки сушить.

Следом пришла фотография осенней дорожки. В кадр попали только опавшие листья, маленькие ботинки и краешек игрушечного автомобиля.

Лера рассматривала её дольше, чем обычный пейзаж.

Не красота снимка заставила её задержаться.

В нём вдруг обнаружилась совсем другая сторона Артёма.

Не та, которая любила дразнить её и присылать поцелуи.

А сторона мужчины, который в выходной день шёл за маленьким человеком туда, куда тому вздумалось.

Лера:

Ты так часто о нём рассказываешь. Сразу видно, как любишь.

Артём:

Он моё всё.

Она улыбнулась.

Лера:

Это правильно.

Артём:

Я бы ради него всё сделал.

Лера представила, как он читает её сообщения, стоя где-нибудь у детской площадки, и как в следующий момент убирает телефон, чтобы подхватить сына, если тот поскользнётся.

Ей стало ещё теплее к нему.

И немного грустно.

У него ведь есть целая жизнь. Настоящая. С прогулками, ботинками, которые надо сушить, ужинами, домашними заботами.

А у них с Лерой — сообщения.

Очень нежные.

Иногда безумно страстные.

Но всё-таки сообщения.

Артём:

Ты чего замолчала, зай?

Лера:

Да так. Думаю, какой ты хороший папа.

Артём:

Стараюсь.

Лера:

Иди гуляй. Не отвлекайся на меня.

Артём:

Ты мне не мешаешь.

Она улыбнулась.

Но на этот раз сама убрала телефон.

Пусть побудет с сыном.

* * *

Вечером муж позвонил из командировки.

— Ну как ты там?

— Нормально. Дома всё хорошо.

— Поела?

— Да.

— Что делала?

Лера посмотрела на чистую кухню, на книги на столике, на телефон рядом с собой.

— Убиралась. Гуляла немного.

— Ясно. Я, наверное, поздно завтра приеду. Не жди.

— Хорошо. Счастливо тебе добраться.

— Пока.

Разговор закончился.

Лера ещё какое-то время держала телефон возле уха, хотя гудки уже оборвались.

Муж не спросил, скучала ли она.

Впрочем, она тоже не спросила его.

И это оказалось куда неприятнее, чем она ожидала.

На экране появился значок нового сообщения.

Артём:

Моя девочка, ты где?

Лера смотрела на эти слова.

Моя девочка.

Как просто он это говорил.

Так, будто она и правда могла кому-то принадлежать.

И почему-то именно сегодня ей захотелось спросить, что он вкладывает в это «моя».

Но она не спросила.

Вместо этого написала:

Лера:

Здесь. А ты?

Артём:

Тоже здесь. Правда, ненадолго. Дома все.

Лера ощутила странный укол.

Ненадолго.

Снова.

Он мог появиться на минуту, написать что-нибудь нежное и исчезнуть обратно в свою настоящую жизнь.

Раньше эти украденные минуты казались ей особенными.

Теперь впервые захотелось большего.
Не более смелых слов.
Не новых фотографий.
Просто времени.
Такого, которое не надо искать тайком.
* * *
Ближе к ночи Артём написал снова.
Артём:

Не спишь, родная?
Лера:

Нет.
Артём:

Я в душе. Есть несколько минут.
Лера усмехнулась.
— Ну, конечно. Тайный штаб.
Она набрала:
Лера:

И что ты предлагаешь успеть за несколько минут?
Артём:

Тебя поцеловать. Для начала.
Лера:

А потом?

Артём:

А потом ты меня опять назовёшь нахалом.

Она рассмеялась.

На этот раз разговор снова постепенно стал смелее. Он говорил, как скучает, как представляет их рядом. Она отвечала уже без прежней паники, иногда сама дразнила его.

В какой-то момент Лера отложила телефон и закрыла глаза.

Ей было трудно поверить, что несколько строк способны вызвать столько ощущений.

И ещё труднее — что эти слова произносит человек, находящийся далеко, за закрытой дверью чужой для неё квартиры.

Несколько минут спустя Артём написал:

Артём:

Как же я хочу тебя обнять, моя хорошая.

Лера улыбнулась.

Лера:

И я тебя.

Артём:

Сильно?
Лера:

Очень.
Он прислал сердечко.
Потом ещё одно.
А затем:
Артём:

Мне пора, зай. Целую.
Она посмотрела на часы.
Пора.
Словно их маленькая встреча закончилась, потому что подошло время возвращаться в другой мир.
Лера:

Спокойной ночи.
Артём:

Не грусти, родная.
Она не ответила сразу.
Не грустить было трудно.
Но и злиться на него не хотелось.
Он ничего не обещал. Не говорил, что завтра всё станет иначе.
И всё-таки сердце каждый раз радовалось его появлению

так, будто за этими несколькими минутами скрывалась возможность настоящего счастья.

Лера долго сидела в тишине.

В квартире пахло яблоками и чистым бельём.

На спинке стула висела рубашка мужа, которую тот забыл убрать в шкаф.

Рядом светился экран телефона.

Две жизни.

Одна — привычная, с ключами, командировками и заменёнными лампочками.

Другая — из сообщений, нежных слов и ожиданий.

И пока Лера не знала, как соединить их между собой.

Она лишь чувствовала, что внутри неё растёт желание, которое невозможно удовлетворить никаким количеством сердечек.

Ей хотелось быть с Артёмом не только тогда, когда он находил свободную минуту.

Не только когда за ним закрывалась дверь ванной.

Не только на экране.

А по-настоящему.

Она снова открыла переписку.

Вверху всё ещё стояло:

«Мне пора, зай. Целую. »

Лера провела пальцем по экрану, словно могла прикоснуться к этим словам.

Потом погасила телефон.

Ещё недавно ей казалось, что расстояние между ними почти исчезло.

Теперь она начинала понимать, что расстояние измеряется не только километрами.

Иногда оно помещается в одном коротком сообщении.

«Мне пора».

И ты ничего не можешь с этим сделать.

Глава 5. Услышать тебя

По вечерам Лера научилась одной странной дисциплине: не писать первой.

Не потому, что ей нечего было сказать.

Наоборот. Самые важные, самые смешные и самые нежные мысли почему-то приходили именно после работы, когда можно было снять туфли, поставить чайник и перестать делать вид, будто день прошёл как обычно.

Она могла бы написать Артёму, как смешно сегодня спорили двое посетителей из-за очереди. Могла прислать фотографию заката, застрявшего между крышами и похожего на апельсиновый сок, разлитый по небу. Могла просто спросить: «Как ты, мой хороший?»

Но не писала.

Потому что там, в другом городе, начинался вечер другой семьи.

Ужин. Сын. Жена, которая могла оказаться рядом в любой момент.

Днём телефон был для них открытой дверью. Артём писал с работы, Лера отвечала из своего кабинета, они обменивались шутками, спорили о фотографиях и успевали соскучиться за время одного совещания.

После шести дверь словно закрывалась.

И ключ оставался у него.

Сначала Лера относилась к этому спокойно. Они оба были несвободны. У каждого была жизнь, в которую невозможно просто войти с букетом цветов и объявить: «Здравствуйте, я теперь здесь».

Но постепенно ожидание стало приобретать форму.

Оно поселилось возле чашки с чаем, у телевизионного пульта, на краешке подушки. Ходило с ней на кухню, садилось рядом, пока она складывала бельё, и особенно любило минуты, когда телефон лежал экраном вниз.

Иногда ей казалось, что он завибрировал. Она спешила проверить.

Ничего.

Однажды она даже рассердилась на холодильник: тот тихо щёлкнул, включаясь, и Лера успела обрадоваться раньше, чем поняла, откуда звук.

— Замечательно, — сказала она сама себе. — Теперь ещё и холодильник за него пишет.

Она рассмеялась.

Потом перестала.

Артём всё ещё не появлялся.

* * *

Утром всё было иначе.

Артём:

Доброе утро, моя сонная красавица!

Лера:

С чего ты взял, что сонная?
Артём:

Потому что хорошим девочкам в такую погоду положено спать. А ты опять на работу собралась.
Лера:

Передай эту мысль моему начальству.
Артём:

Могу лично приехать и объяснить, что тебя надо беречь.
Лера:

Ты сначала хоть одного начальника отговори, герой.
Артём:

Я с тобой справляюсь. Остальные не страшны.
Лера:

Со мной ты ещё не справился!
Артём:

Вот это и нравится.
Она улыбалась экрану, стоя у кофемашины.

Ника, появившаяся рядом с двумя пустыми кружками, проследила за её взглядом.

— Опять твой фотограф?

— Угу.

— Только смотри, чтобы кофемашина не решила, что это ей так улыбаются. А то у нас техника избалуется.

Лера машинально спрятала телефон.

Ника подняла брови.

— Я вообще-то не собираюсь его отнимать.

— Ты всегда всё замечаешь?

— Нет. Только когда подруга светится ярче монитора.

Лера рассмеялась.

— Он на выходные к родителям собирается, — сказала она.

— Далеко?

— В деревню. Часто туда ездит. Баня, рыбалка, домашняя еда. Он заядлый рыбак.

— И ты ревнуешь его к карасям?

— К карасям пока нет. Но если они начнут слать ему сердечки — за себя не ручаюсь.

— Бедные караси, — вздохнула Ника. — Даже не подозревают, что попали в любовный роман.

Лера хотела возразить.

Никакой это не роман.

Но уже не смогла.

* * *

В пятницу Артём прислал фотографию двух удочек, прислонённых к двери, и огромной спортивной сумки.

Артём:

Собрался. Осталось только самого себя не забыть.

Лера:

С удочками всё понятно. А ты-то туда поместишься?

Артём:

Если свернусь калачиком, вполне.

Лера:

Ты с семьёй едешь?

Ответ пришёл не сразу.

Артём:

Нет, в этот раз один. К родителям. Сын дома остаётся, у него свои дела. А я пару дней на природе побуду.

Лера прочитала сообщение ещё раз.

Один.

Её первой мыслью было: *значит, поговорим без спешки.*

И лишь второй: *какая я всё-таки эгоистка.*

Он ехал к родителям, к людям, которых любил и, наверное, видел не так часто, как хотелось. Его ждали домашние

дела, разговоры, рыбалка.

А она уже мысленно считала часы, которые смогут принадлежать только им двоим.

Лера:

Передай родителям привет. И береги себя в дороге.

Артём:

Спасибо, родная.

Лера:

Рыбу поймаешь — предъявишь доказательства.

Артём:

А если не поймаю?

Лера:

Тогда будешь рассказывать, что она была огромная, но сорвалась. Как все рыбаки.

Артём:

Обижаешь! У меня всё честно.

Лера:

Вот и проверим.

Артём:

Кстати, мама обещала баньку натопить. Красота!

Лера:

Всё. Завидую официально.

Артём:

Приезжай. Места хватит.

Слишком легко он написал это слово.

Приезжай.

Лера представила деревянный дом, мокрые от росы дорожки, дым из трубы. Представила, как идёт по незнакомому двору, а Артём выходит ей навстречу.

На секунду сердце сжалось от счастливой, почти детской надежды.

Потом она посмотрела на экран.

Там было только слово.

И сердечко.

* * *

В субботу Лера проснулась непривычно рано.

Не от будильника. За окном едва светало, дождь ночи превратил асфальт в большое неровное зеркало.

Телефон лежал рядом с подушкой.

Она не стала сразу проверять сообщения.

Заставила себя дойти до кухни, налить воду в чайник, открыть окно и вдохнуть прохладный воздух.

С улицы пахло мокрыми листьями.

Вот так. У меня тоже есть утро. Своё.

Она достала фотоаппарат.

Давно хотелось просто погулять с ним без задания, конкурса и мысли, что кадр обязательно должен кому-нибудь понравиться.

У ворот старого парка Лера увидела пожилую пару.

Мужчина держал большой зонт. Женщина поправляла на нём шарф, хотя он явно сопротивлялся.

— Ну не дёргайся ты, — донеслось до Леры. — Подумаешь, ветер!

— Я не дёргаюсь, — возразил мужчина и покорно наклонил голову.

Лера улыбнулась.

Они двинулись дальше, немного нелепые в своём смешном зонте и удивительно согласованные в движениях.

Она подняла камеру.

Снимок получился неидеальным. Зонт перекрыл часть лица, позади стояла мусорная урна, а женщина оказалась чуть не в фокусе.

Но Лере почему-то не захотелось его удалять.

На нём было кое-что, чего не поймать идеальной настройкой камеры.

Привычка быть рядом.

Нечто совершенно обыденное и потому бесконечно ценное.

В телефоне появилось сообщение.

Артём:

Доброе утро, рыбка моя!

Лера:

О! Рыбак вспомнил обо мне до появления первой рыбы?

Артём:

Представляешь, да. Я ещё на берегу. Вода спокойная. Красотища.

Следом пришла фотография.

Узкая речная заводь. Тёмная гладь воды, почти чёрные стволы деревьев и светлая полоска тумана над берегом.

Лера увеличила снимок.

Композиция была небрежной. Кусок рукава в кадре, заваленный горизонт.

Она улыбнулась.

Лера:

Горизонт завалил.

Артём:

Я тебе сердце открываю, а ты горизонт!

Лера:

Профессиональная деформация.
Артём:

Ладно. Сейчас поправлю.
Через минуту он прислал ещё одну фотографию.
На этот раз всё было ровно.
Лера:

Вот теперь красота!
Артём:

А ты где, родная?
Лера отправила снимок дорожки под дождём.
Артём:

Красиво. Но тебя там не хватает.
Лера:

А тебя — здесь.
На этот раз никакой шутки в ответ не последовало.
Артём:

Знаю, зай.
Лера стояла под деревом, пока дождь снова не припустил.
И вдруг подумала, что не может представить себе его голос.

Ни низкий, ни высокий.

Ни спокойный, ни хрипловатый.

Она знала форму его улыбки по фотографиям, представляла, как он морщит нос, когда смеётся, и почти могла угадать выражение лица при очередной дерзости.

Но его голос оставался пустым местом.

Как будто в кадре не хватало самого важного звука.

* * *

— Ты, оказывается, не одна гуляешь, — сказала Ника, когда они встретились в маленьком кафе возле парка.

— В каком смысле?

— С тобой всё время кто-то невидимый. Вон, ты опять улыбаешься в телефон.

Лера спрятала фотоаппарат в сумку и села.

— Он к родителям поехал. Рыбачит.

— Я уже поняла, что твой Артём способен одновременно любить тебя и карася.

— Перестань! — Лера рассмеялась.

Им принесли кофе. Ника переложила к себе на блюдце маленькое печенье и пристально посмотрела на подругу.

— Слушай, а он вообще какой?

— В смысле?

— Ну, голос у него какой? Я всё про фотографии слышу, про сообщения. А как он разговаривает?

Лера подняла чашку.

Поставила обратно.

— Не знаю.

Ника не сразу поняла.

— В смысле «не знаю»?

— В прямом. Мы не созванивались.

— Совсем?

— Совсем.

— Даже по видеосвязи?

— Ника, не надо на меня так смотреть. Нет, не созванивались.

Ника помолчала.

— Странно.

— Я знаю.

— Я не говорю, что это обязательно что-то плохое. Просто… вы столько времени общаетесь. И ни разу не захотели услышать друг друга?

— Я хотела.

— А он?

Лера размешивала кофе, хотя сахара в нём не было.

— Говорил, что обязательно созвонимся. Просто не сейчас.

— И когда это «сейчас» закончится?

— Не знаю.

Ника вздохнула.

— Лер, я понимаю, что он тебе очень дорог. Правда. Но ты ведь сама чувствуешь, что тебя что-то беспокоит?

Лера кивнула.

— Я не понимаю, почему. Днём он может писать часами. А если есть время написать десять сообщений, разве нельзя за то же время хотя бы минуту поговорить?

— Причины могут быть разные.

— Знаю. Может, он стесняется. Может, боится, что кто-то услышит. Может, ему удобнее писать. Но почему тогда нельзя просто сказать?

Ника не стала отвечать за человека, которого никогда не видела.

И за это Лера была ей благодарна.

— Я бы, наверное, спросила ещё раз, — сказала Ника. — Не ссориться. Просто спросить. У тебя ведь есть право хотеть большего, чем он предлагает.

Лера медленно обвела пальцем край чашки.

— Самое смешное, что раньше мне и этого хватало.

— А теперь?

Лера посмотрела в окно.

За стеклом мужчина придерживал дверь женщине с коляской. Они о чём-то говорили, смеялись, спорили о направлении — Лера не слышала слов, но видела, как легко они понимают друг друга.

— Теперь я хочу узнать, как он произносит моё имя, — тихо сказала она.

* * *

В деревне у родителей у Артёма, похоже, было совершенно другое время.

Утром он мог пропасть на несколько часов, а потом появиться с целой россыпью сообщений: фотографией старой яблони, жалобой на хитрую рыбу и описанием маминого обеда.

Артём:

Ты представляешь, три часа сидел. Ни одной нормальной поклёвки!

Лера:

Может, они все твои фотографии видели и решили, что с таким горизонтом связываться опасно?

Артём:

Какая же ты вредина!

Лера:

Зато любимая. Сам говорил.

Артём:

Сам. И от слов не отказываюсь.

Позднее он всё-таки прислал фотографию рыбы.

Лера:

Ух ты! Это что, настоящий трофей?

Артём:

Конечно настоящий! Я же обещал доказательства.

Лера:

А ты точно не у соседа её сфотографировал?

Артём:

Всё, обиделся. Больше рыбу не покажу.

Лера:

Только не это! Как я переживу?

Он прислал сердитый смайлик, потом смеющийся и следом — поцелуй.

Лера поставила телефон на стол.

Ей нравилась эта его сторона: простой мужчина, радующийся рыбалке так, будто поймал не рыбу, а собственное детство.

Нравилось, что он не пытался всё время казаться серьёзнее и значительнее, чем был.

Он мог хвастаться уловом, смеяться над собственными неудачами, рассказывать, чем его кормит мама. Иногда от его сообщений становилось так уютно, словно Лера сидела где-то на деревянном крыльце рядом с ним и слушала вечерние звуки незнакомого двора.

Слушала.

Она поймала себя на этом слове.

Даже воображая близость с Артёмом, она всё время додумывала то, чего никогда не слышала.

* * *

Вечером Артём написал раньше обычного.

Артём:

Ну что, моя девочка, соскучилась?

Лера:

Ужасно. Даже рыбам завидую.

Артём:

Это почему?

Лера:

Они хоть видели тебя сегодня.

Артём:

Ах ты моя ревнивая!

Лера:

Я не ревнивая. Я наблюдательная.

Артём:

Конечно-конечно. Иди сюда, обниму.

Он написал, что баня уже натоплена, что после прогулки

замёрзли руки и что за окном пахнет дымом и мокрой землёй.

Лера устроилась на диване, поджав ноги под плед.

За стеной работал телевизор. Муж смотрел передачу, время от времени покашливал и переключал каналы.

Она читала сообщения и постепенно переставала слышать телевизионные голоса.

Сейчас Артём был один.

Его никто не звал из ванной.

Не приходилось угадывать, когда вернётся жена.

Не нужно было опасаться, что разговор оборвётся через две минуты.

Они переписывались долго, легко переходя от смешного к нежному, от нежного — к тому особенному языку двоих, которому не учат и который никогда не получается повторить с кем-то другим.

Артём говорил о том, как хотел бы быть рядом.

Лера отвечала так, как ещё недавно не решилась бы.

Она краснела и улыбалась. Порой откладывала телефон, чтобы прийти в себя от собственных слов, а потом снова тянулась к нему, чувствуя приятную, немного пугающую свободу.

Здесь не было чужого взгляда.

Не было необходимости держать лицо.

Можно было признаться, что скучаешь до боли. Что хочешь объятий, тепла, близости. Что иногда достаточно пред-

ставить человека рядом — и сердце уже не знает, куда деваться.

Артём:

Если бы ты сейчас была здесь, я бы тебя никуда не отпустил.

Лера:

Даже рыбу ловить?

Артём:

Рыба подождёт.

Лера:

Серьёзное заявление от заядлого рыбака!

Артём:

Ты важнее любой рыбы, Лерочка.

Она задержала дыхание.

Он редко писал её имя целиком. Чаще — «зай», «родная», «моя хорошая».

Лерочка.

Ей захотелось услышать, как оно звучит у него на языке.

Не прочитать.

Услышать.

Она не сразу решилась напечатать вопрос.

Пальцы набирали и стирали.

В конце концов Лера написала:

Лера:

Артём, а можно я тебя кое о чём попрошу?

Артём:

Для тебя что угодно, красавица.

Лера:

Позвони мне.

Несколько секунд ничего не происходило.

Лера смотрела на сообщение и чувствовала, как тепло вечера неожиданно сменяется тревогой.

Может, зря?

Она ведь не просила невозможного.

Взять телефон. Набрать номер. Сказать «привет».

Но почему-то даже эта простая просьба казалась ей нарушением какого-то негласного правила между ними.

На экране появились три точки.

Исчезли.

Появились снова.

Артём:

Зай, ну давай не сегодня. Обязательно созвонимся.

Она прочитала ответ.

Не сегодня.

Не отказ.

И не согласие.

Дверь, которую вроде бы никто не закрыл. Но и не открыл.

Лера:

Почему? Ты же сейчас один.

Артём:

Ну вот просто не сейчас, моя хорошая. Давай потом, ладно?

Она осторожно положила телефон рядом.

Встала и подошла к окну.

На улице мокрый асфальт блестел в свете фонарей. По нему торопливо шла женщина с пакетом, придерживая у уха телефон. Она что-то говорила и улыбалась.

Лера следила за ней, пока та не свернула за угол.

Потом вернулась на диван.

Лера:

Я просто хочу услышать тебя. Хоть минутку. Мне интересно, какой у тебя голос.

Ответ пришёл почти сразу.

Артём:

Услышишь, родная. Обещаю.

И следом:

Артём:

Не грусти. Иди ко мне, зацелую.

Лера невольно улыбнулась.

Этот нахал и правда умел отвести её от любого серьёзного разговора.

Но сегодня улыбка продержалась недолго.

Лера:

Я не грущу. Просто буду ждать.

Она отправила сообщение и вдруг поняла, что именно в этом и заключалась вся их история.

Буду ждать.

Она ждала вечерами, когда он напишет первым.

Ждала, когда они смогут поговорить без спешки.

Теперь собиралась ждать ещё и звонка.

Словно сама любовь состояла из маленьких обещаний, которым не назначали даты.

* * *

— Ты чай будешь?

Лера вздрогнула.

Муж стоял в дверях, держа пустую кружку.

— Буду. Спасибо.

— Ты сегодня какая-то тихая.

— Устала.

— Ясно.

Он пошёл на кухню.

Она слышала, как он открывает шкафчик, ищет заварку, наливает воду. Всё это были знакомые звуки. Настолько привычные, что Лера обычно их даже не замечала.

Муж вернулся с двумя кружками.

— Осторожно, горячий.

— Спасибо.

Он сел на другой конец дивана.

На экране телевизора кто-то громко спорил. Муж прибавил звук.

Лера обхватила кружку ладонями.

Вдруг ей стало неловко от собственного желания просто услышать другого мужчину.

Не потому, что желание было неприличным.

А потому, что рядом сидел человек, чей голос она знала до последней интонации, но которому давно почти ничего не рассказывала о себе.

Она взглянула на мужа.

Он смотрел в телевизор, устало прищурившись.

Наверное, если бы сейчас она спросила его, как прошёл день, он ответил бы.

И если бы он спросил её не просто «устала?», а «что с тобой происходит?», возможно, она тоже попробовала бы ответить.

Но они оба молчали.

Это молчание существовало между ними задолго до Артёма.

Лера не хотела обманывать себя: новый человек не разрушал их семейную близость. Он появился там, где её уже давно не хватало.

И всё-таки от этого ситуация не становилась проще.

— Что-то случилось? — спросил муж, не отрываясь от экрана.

— Нет.

Он кивнул.

Разговор закончился.

Лера опустила взгляд на телефон.

Новое сообщение от Артёма:

Моя хорошая, ты там не потерялась?

Она не стала отвечать сразу.

Допила чай.

Унесла кружку на кухню.

И только после этого написала:

Здесь я.

* * *

В понедельник «Пойманный свет» жил обычной жизнью: участники обсуждали фотографии, спорили о слишком ярких фильтрах и, кажется, были готовы объявить войну любому человеку, который назовёт смазанный кадр «авторским видением».

Лера долго читала перепалку под снимком городского мо-

ста.

Один участник писал, что фотография должна быть технически безупречной.

Другой утверждал, что техническая безупречность без чувства ничего не стоит.

Третий предложил всем успокоиться и наконец показать собственные работы.

Лера рассмеялась.

Вот бы в жизни тоже можно было так просто попросить человека показать, что он на самом деле чувствует.

Она открыла папку со снимками, сделанными в парке.

Нашла пожилую пару под зонтом.

Теперь кадр нравился ей ещё больше.

У мужчины была смешная сосредоточенная спина. Женщина тянулась поправить ему шарф. Они шли рядом и, наверное, даже не подозревали, что кто-то заметил их короткое нежное движение.

Лера назвала фотографию «Без слов» и выложила в сообщество.

Почти сразу появился комментарий Артёма.

Артём:

Вот это настоящее тепло.

Она улыбнулась.

Лера:

Даже с мусорной урной на заднем плане?

Артём:

Урна тут вообще не главная. И ты это прекрасно знаешь.

Лера посмотрела на снимок снова.

А ведь он понял.

И тогда ей вдруг пришло в голову, что именно поэтому его отсутствие так больно задевало её.

Он умел замечать то, чего другие не замечали.

Умел находить слова, после которых хотелось расправить плечи.

Умел делать её желанной.

И умел понимать фотографию с мусорной урной так, словно увидел в ней ту же историю, что и она.

Как было бы просто назвать его человеком, который только играет в любовь.

Но тогда пришлось бы вычеркнуть всё настоящее, что Лера находила в их переписке.

А оно было.

Во всяком случае, для неё.

Она не знала, каким было для него.

* * *

В середине недели у Артёма дома выдался какой-то особенно хлопотный вечер.

Он написал Лере совсем ненадолго.

Артём:

Приветик, любимая.
Лера:

Привет. Ты как?
Артём:

Устал. Только сел.
Лера:

Отдыхай, мой хороший. Я никуда не денусь.
Артём:

Вот поэтому тебя и люблю.
Она улыбнулась.
Лера:

А сын как?
Артём:

Всё хорошо. Растёт хулиган.

Несколько минут они обменивались обычными новостями. Лера рассказала, что сегодня умудрилась уронить ручку в чашку с кофе, а Артём заявил, что теперь это непременно следует сфотографировать и выставить как новую художественную технику.

Она уже набирала ответ, когда пришло короткое:
Артём:

Всё, мне пора.
И он исчез.
Лера посмотрела на недописанное сообщение.
На этот раз она даже не успела расстроиться.
Просто стёрла его.
Потом расскажу.
Через час на экране появилось:
Артём:

Моя хорошая, я на минутку.
Лера представила его у открытого окна, с сигаретой в руке. Осенний воздух, темнота, возможность незаметно достать телефон.
Артём:

Скучаю по тебе.
Лера:

И я.
Артём:

Обнимаю крепко-крепко.
Она хотела написать, что сегодня весь день думала о нём.

Не успела.

Артём:

Убегаю, родная.

Экран погас.

Лера не двигалась.

В голове отчётливо прозвучало Никино:

«У тебя ведь есть право хотеть большего».

Да. Наверное, есть.

Только с этим правом пока совершенно непонятно было что делать.

* * *

В тот вечер Лера вдруг решила не ждать.

Не в смысле — больше никогда.

Просто сегодня.

Телефон остался дома на зарядке, а она накинула пальто и вышла пройтись.

Во дворе мальчишки гоняли мяч. За остановкой двое подростков спорили, кто лучше поёт. Из открытого окна тянуло запахом жареного лука и доносился чей-то громкий смех.

Город разговаривал.

Лера шла по тротуару, слушала его и чувствовала странную тоску.

Она никогда не думала, что однажды будет скучать по голосу, которого не слышала.

Наверное, это было даже нелепо.

Можно скучать по знакомой интонации.

По смеху.

По тому, как человек произносит твоё имя.

А у неё не было ни одной из этих вещей.

Только буквы.

Сотни, тысячи букв.

Она дошла до старого пешеходного моста и остановилась над рекой.

Вода была тёмной. Свет фонарей дрожал на поверхности тонкими ломаными полосками.

Лера достала фотоаппарат, который по привычке захватила с собой, и сделала несколько снимков.

На одном получился почти пустой мост.

На другом — силуэт человека у перил.

Третий вышел нечётким: кто-то прошёл мимо в тот момент, когда она нажала на кнопку.

Лера посмотрела на экран камеры.

Нечёткий силуэт понравился больше остальных.

Он словно собирался появиться — и не появился.

Она не стала удалять кадр.

Когда Лера вернулась домой, на телефоне было несколько сообщений.

Артём:

Зай, ты где?

Артём:

Всё хорошо?
Артём:

Лерочка?
В груди у неё потеплело.
Он искал её.
Пусть всего лишь в переписке, но заметил отсутствие.
Лера:

Всё хорошо, мой хороший. Гуляла. Телефон дома оставила.
Артём:

Ну напугала!
Лера:

Я ведь тоже иногда могу исчезнуть на час.
Артём:

Нельзя. Я скучаю.
Она села на край кровати.
Нельзя.
Как легко он сказал это.
И как много вечеров она сама не позволяла себе написать ему первой.

Лера:

А ты можешь пропадать?

Артём:

Я же потом всегда возвращаюсь, зай.

Её пальцы замерли.

Фраза была шутливой, совершенно безобидной.

Он имел в виду сегодняшний вечер, свои короткие исчезновения из чата, домашние дела.

Но Лера вдруг ощутила, насколько неравными были правила их маленького мира.

Он мог появляться и уходить.

А она должна была быть на месте.

Не потому, что он всерьёз приказывал.

Просто так получилось.

Сначала из осторожности.

Потом из привычки.

А затем — из любви.

Лера:

А мне тоже иногда хочется, чтобы меня ждали.

Он ответил не сразу.

Артём:

Я тебя жду, родная. Всегда рад, когда ты пишешь.

Лера смотрела на эти слова.

Всегда рад.

Но не всегда может ответить.

И она понимала почему.

Только понимание уже не отменяло того, что ей было больно.

* * *

В выходные Ника прислала Лере сообщение:

«Срочно. У меня дома погиб кактус. Хочу достойно проводить его в последний путь. Ты как фотограф обязана присутствовать».

Лера расхохоталась и поехала к подруге.

Кактус действительно выглядел так, будто давно отказался от сотрудничества с человечеством.

Они устроили ему торжественную «фотосессию» на фоне старой занавески, выпили чай, съели половину пирога и спорили, почему растение не выжило.

— Его погубило одиночество, — объявила Ника.

— Его погубило то, что ты поливала его, когда вспоминала о его существовании.

— То есть одиночество.

— Ника!

— Всё, молчу. Будем считать, что он ушёл красиво.

Они смеялись так долго, что Лера вытерла слёзы.

Дома она обнаружила, что за несколько часов почти не проверяла телефон.

Артём написал дважды.

Она ответила ему уже по дороге.

Он прислал поцелуй, спросил, как прошёл день, рассказал, что собирается на следующей неделе снова съездить к родителям, если получится.

Лера улыбнулась, но впервые не стала сразу представлять свободные вечера.

Ей хотелось, чтобы они случились.

Очень.

Но она больше не хотела проживать целую неделю в ожидании того, что будет зависеть только от чужого расписания.

Это была ещё не решимость.

Скорее маленькая попытка выпрямить плечи.

* * *

В тот вечер Артём появился поздно.

Артём:

Привет, моя девочка. Соскучился ужасно.

Лера:

И я соскучилась.

Артём:

Чего такая серьёзная?

Лера:

Думаю, какой у тебя голос.
Артём:

А какой ты придумала?
Ей захотелось его подразнить.
Лера:

Не скажу. Вдруг ошибусь.
Артём:

Ну расскажи!
Лера:

Нет уж. Сначала настоящий услышу.
Три точки.
Пауза.
Артём:

Услышишь, зай. Обязательно.
Лера:

Я тебе верю. Но мне хочется не обещания, а звонка.
Он ответил не сразу.
Артём:

Моя хорошая, давай не будем сегодня грустить. Я так ску-

чал.

Она долго смотрела на последнее сообщение.

Потом написала:

Лера:

Я тоже скучала. Очень.

И это было правдой.

Она не пыталась его наказать молчанием.

Не хотела ссориться, выяснять отношения, добиваться объяснений.

Просто впервые позволила себе не скрывать, что ей чего-то не хватает.

Артём прислал смешную фотографию своего ужина. Лера тут же придралась к сервировке. Он обозвал её самым строгим фотографом на свете, она потребовала компенсацию за нанесённое эстетическое страдание.

Через несколько минут они снова смеялись.

Потом говорили о том, как прошёл день.

О сыне, о работе, о дожде.

Они так легко находили дорогу друг к другу через слова.

И так трудно — через всё остальное.

Перед сном Артём написал:

Артём:

Люблю тебя, моя хорошая. Спокойной ночи.

Лера прижала телефон к ладони.

Она слышала, как за окном шуршат шины по мокрой дороге.

Как где-то в подъезде хлопает дверь.

Как муж в соседней комнате приглушённо кашляет.

Она слышала весь мир вокруг.

Но не слышала человека, чьи слова заставляли её сердце биться быстрее.

Лера ответила:

Лера:

И я тебя. Спокойной ночи.

Потом выключила экран.

Она не сомневалась в своём чувстве.

Не могла знать наверняка, что чувствует он.

И всё чаще понимала: любовь, которую можно только читать, однажды начинает просить большего.

Лера закрыла глаза и попыталась представить его голос.

Не получилось.

Зато она очень ясно увидела знакомое окошко переписки.

Три маленькие точки.

Появляются.

Исчезают.

Появляются снова.

И ни звука.

Глава 6. Место для меня

— А ты вообще помнишь, когда в последний раз делала что-нибудь просто для себя?

Ника произнесла это так буднично, будто спросила, не закончился ли сахар.

Лера сидела напротив неё в служебной комнате и пыталась прикрепить к стенду распечатанный снимок. Кнопка упрямо не входила в пробку, фотография съезжала набок, а в телефоне, лежавшем на столе, светилось сообщение от Артёма.

«Скучаю, моя хорошая. Целую тебя в носик. »

Снимок снова покосился.

— Вот прямо сейчас делаю, — ответила Лера. — Участвую в выставке.

— Ты участвуешь в выставке третий год подряд. Я спрашиваю, когда ты делала что-то, чего раньше не делала.

— Купила новую помаду.

— Не засчитывается.

— Съела вчера пирожное после ужина.

— Это тем более.

— Ника, что ты ко мне пристала?

Подруга отобрала у неё кнопку, одним уверенным движением закрепила фотографию и отступила на шаг.

— Потому что ты всё время кого-то ждёшь. На работе —

конца рабочего дня. Дома — сообщения. В выходные — когда кто-нибудь решит, что у него есть для тебя свободный час. Я хочу знать, где в этом расписании сама Лера.

Лера приготовилась возразить, но Ника уже продолжала:

— В субботу идём на ночную съёмку. Ребята из «Пойманного света» собираются у старого трамвайного депо. Фонари, рельсы, отражения. Ты такие места любишь.

— Я не обещала.

— Я заметила. Ты пока даже не спросила, во сколько.

— Во сколько?

— В семь.

Лера взглянула на телефон.

В субботу Артём должен был вернуться от родителей. Он обещал показать снимки с рыбалки. Возможно, вечером у него появится время побыть с ней.

Возможно.

Она поймала себя на том, что уже мысленно отказывается от прогулки.

Ника внимательно наблюдала за ней.

— Ну? — спросила она.

— Я подумаю.

— Только не слишком долго. А то тебя караси опередят.

Лера фыркнула.

— Ты когда-нибудь забудешь этих несчастных рыб?

— Когда увижу фотографию карася с подписью «Это любовь всей моей жизни».

Они рассмеялись.

Лера наконец взяла телефон.

Лера:

И я скучаю. Ты как там?

Артём:

Работаю, родная. Но думаю о тебе.

Лера:

Смотри, не перепутай рабочие документы с признанием в любви.

Артём:

Если перепутаю, пусть все завидуют.

Она улыбнулась, но потом посмотрела на выставочный стенд.

На нём висели снимки людей, которые ездили в другие города, забирались на крыши, часами ждали нужного света. Среди работ была и её фотография с названием «Без слов» — та самая пожилая пара под зонтом.

Под ней кто-то написал карандашом: «Счастье — это когда не надо торопиться уходить».

Лера долго смотрела на эту строчку.

Потом достала из сумки блокнот и записала адрес трамвайного депо.

* * *

Вечером она обнаружила мужа на кухне.

Он стоял перед открытым шкафчиком, держа в руках две одинаковые тарелки.

— Ты куда глубокие убрала? — спросил он.

— На нижнюю полку. За мисками.

— А зачем?

— Потому что верхняя уже не закрывалась.

Он вздохнул, словно перестановка посуды нарушила привычный порядок мироздания.

— Ладно.

Лера достала тарелки сама.

— В субботу меня не будет вечером. Пойду фотографировать.

— Ночью?

— Вечером. С группой. Старое депо.

— Не опасно там?

— Организованная прогулка. Мы не собираемся лазать под поездами.

— Ну смотри.

Он взял тарелки.

— А ужин?

Лера остановилась.

Вопрос был обычный. Такой, какой мог прозвучать в любой семье, где двое привыкли к определённому порядку.

И всё же сегодня ей захотелось ответить иначе.

— Ужин можно приготовить вместе. Или ты сделаешь что-нибудь сам.

Муж удивлённо посмотрел на неё.

— Я что, против? Я просто спросил.

— И я просто ответила.

Они некоторое время стояли друг напротив друга, оба немного растерянные из-за пустяка, который почему-то оказался не совсем пустяком.

Потом муж усмехнулся.

— Ладно, шеф. Макароны сварю. Не пропаду.

— Вот и отлично.

Лера ушла в комнату, но не почувствовала ни победы, ни удовлетворения.

Ей было скорее стыдно, что такой простой разговор потребовал внутреннего усилия.

Она не могла сказать, когда именно начала незаметно вычеркивать из собственных планов всё, что могло не понравиться другим.

Сначала ради спокойствия.

Потом по привычке.

А теперь, кажется, уже даже без просьб с их стороны.

Телефон лежал на кровати экраном вниз.

Лера перевернула его.

Артём:

Моя девочка, что сегодня снимаешь?

Она задержала палец над клавиатурой.

Лера:

В субботу пойду на фотопрогулку. Вечером. Хочу попробовать ночные кадры.

Артём:

Ух ты! А я как же?

Она улыбнулась.

Лера:

А ты будешь ждать, пока я вернусь, и оценивать шедевры.

Артём:

Я бы лучше тебя оценил.

Лера:

Это уже ты умеешь. А вот с фотографией придётся постараться.

Артём:

Хорошо, строгая моя. Буду ждать.

Лера перечитала последнее предложение.

Буду ждать.

Оказывается, слова звучали совсем иначе, когда их говорили ей.

* * *

На следующий день Лера вышла из дома с фотоаппаратом и с непривычным ощущением, будто собирается не на прогулку, а на свидание с собственной жизнью.

У депо уже толпились участники сообщества.

Кто-то проверял штатив, кто-то ругался на батарейки, разрядившиеся в самый неподходящий момент. Высокий мужчина в жёлтой куртке показывал на телефоне прогноз погоды и пытался убедить остальных, что дождь — это не неприятность, а художественная возможность.

— Художественная возможность промочить ноги, — заметила девушка с короткой стрижкой.

— Зато какие отражения!

Лера подошла к ним, улыбнулась, представилась.

Её узнали по фотографии с пожилой парой. Кто-то похвалил снимок, кто-то спросил, как удалось не спугнуть героев, а мужчина в жёлтой куртке уточнил:

— Это вы та самая, что оставила мусорную урну в кадре?

Лера расхохоталась.

— Та самая. Она, между прочим, важный участник композиции.

— Тогда надо ей отдельный диплом.

Все засмеялись, и неловкость прошла.

Они шли вдоль старых рельсов, постепенно уходя от освещённых улиц. Воздух пах металлом и мокрой землёй. У ворот депо фонарь выхватывал из темноты ржавую табличку.

На асфальте лежали длинные полосы света, похожие на следы от окон невидимого трамвая.

Лера снимала много.

Не всякий кадр удавался. На одних получались ненужные блики, на других — слишком тёмные тени. Но ей нравился сам процесс: двигаться, искать ракурс, забывать о времени.

Один из участников предложил сделать общий портрет на фоне старых дверей. Лера встала сбоку, поправила воротник и вдруг подумала, что Артём, увидев фотографию, наверняка придерётся к свету.

Она улыбнулась.

Вот сейчас бы он тут стоял.

Не в телефоне, не в другой комнате, откуда можно только быстро написать. Рядом. Со своим фотоаппаратом или даже без него.

Она представила, как он шепчет ей на ухо какую-нибудь наглость, а она толкает его локтем, чтобы не мешал работать.

Картина получилась такой живой, что Лера на секунду перестала замечать людей вокруг.

— Вы снимать будете или мечтать? — окликнул мужчина в жёлтой куртке.

— Одно другому не мешает!

— Тогда снимайте мечтательно. Только со штатива.

Она рассмеялась и вернулась к работе.

* * *

Позже начался настоящий дождь.

Группа спряталась под длинным навесом у закрытого киоска. Одна девушка достала термос и предложила чай всем желающим. Кто-то притащил бумажный пакет с печеньем, и через минуту маленькая промокшая компания уже выглядела как люди, которые встретились специально для того, чтобы устроить пикник в самом неподходящем месте.

Лера согревала руки о пластиковый стаканчик и слушала разговор о фотографиях.

— Вы всё время людей снимаете? — спросил мужчина в жёлтой куртке.

— Нет. Но люблю, когда в кадре есть жизнь.

— А архитектура для вас не живая?

— Зависит от архитектуры. Некоторые дома выглядят так, будто давно хотят развестись с соседями.

Все засмеялись.

Он показал ей снимок заброшенной остановки. На стекле отражались две бегущие фигуры, а внутри пустого павильона горела одинокая лампа.

— Красиво, — сказала Лера. — Особенно отражения.

— Мне кажется, там самое интересное — то, что люди проходят мимо. А остановка остаётся.

Лера посмотрела на фотографию ещё раз.

Она ничего не ответила, но запомнила мысль.

Телефон завибрировал в кармане.

Она достала его.

Артём:

Как там моя ночная путешественница?
Лера:

Промокла, замёрзла, чуть не оставила ноги на рельсах. Но очень довольна.
Артём:

Ох, непоседа! Береги себя, пожалуйста.
Лера:

А ты чем занят?
Артём:

Только домой приехал. Разбираю вещи.
Она на секунду задумалась.
Дома.
Значит, совсем скоро рядом с ним окажется жена. Или уже находится.
Значит, разговор может оборваться.
Лера:

Тогда разбирай. Я ещё поснимаю.
Артём:

Соскучился по тебе.

Лера улыбнулась.

Лера:

Я тоже. Покажу потом фотографии.

Артём:

Буду ждать.

Она убрала телефон.

Впервые за долгое время не захотелось придумывать причину уйти пораньше, чтобы успеть домой к его сообщению.

Она была там, где хотела находиться.

И он мог немного подождать.

* * *

Когда Лера вернулась, квартира уже спала.

В коридоре горел маленький ночник. На кухне стояла кастрюля с макаронами, накрытая крышкой. Рядом лежала записка на обороте рекламного буклета:

«Тебе оставил. Разогрей, если голодная».

Лера долго смотрела на неровные буквы.

Муж редко писал записки. Обычно они ограничивались обычными сообщениями по делу: купить хлеб, не забыть ключи, закрыть окно.

Она открыла кастрюлю.

Макароны успели слегка слипнуться, но запах был домашним и тёплым.

Лера отложила камеру, вымыла руки и села ужинать.

Он не забыл.

Эта мысль почему-то показалась ей важной.

Она вспомнила Никин вопрос: где в её расписании сама Лера?

Сегодня место нашлось.

Не самое большое. Всего несколько часов.

Но настоящих.

* * *

Утром муж спросил, понравилась ли прогулка.

— Очень, — ответила Лера и неожиданно принялась рассказывать.

О мокрых рельсах, об отражении фонаря в луже, о мужчине, который едва не уронил штатив, потому что в темноте пытался снять собственные ботинки.

Муж слушал, кивал, иногда усмехался.

— Главное, что не заболела, — сказал он, когда она закончила.

— Я тепло оделась.

— Я видел, в чём ты ушла.

Лера открыла рот, чтобы возразить, но потом передумала.

Не каждый разговор обязательно должен заканчиваться спором.

Она показала ему один из кадров.

— Красиво, — сказал он. — Правда, всё какое-то мрачное.

— Это ночная съёмка.

— Ну да. Логично.

Он допил чай и ушёл по своим делам.

Лера посмотрела на фотографию.

Мрачное.

А ей там виделось совсем другое.

Свет, который появляется даже там, где его почти не ждёшь.

Она решила, что именно так и назовёт снимок.

Не «Одиночество».

Не «Темнота».

А «Пока горит».

* * *

К обеду фотографии были разобраны.

Лера оставила двенадцать кадров из нескольких десятков. На одном фонарь отражался в луже, превращая трещину в асфальте в золотую молнию. На другом мокрые рельсы уходили за поворот, где ничего уже не было видно. Третий оказался неожиданно смешным: в глубине снимка кто-то из участников пытался прикрыть голову маленьким пакетом, и тот стоял на нём как праздничный колпак.

Именно этот кадр Лера отправила Артёму первым.

Артём:

Это что за покоритель дождей?

Лера:

Наш главный специалист по безопасности оборудования.
Артём:

Судя по пакету, оборудование — его голова.
Лера:

Единственное, что у него не промокло!
Артём:

А ты, красавица, не простыла?
Лера:

Нет. Меня дома макаронами спасли.
Она нажала «отправить» и только потом задумалась, как непривычно откровенно упомянула мужа.
Артём:

Макаронами? Серьёзное лечение.
Лера:

Да. Ещё рекомендовали высыпаться, но с этим пока сложнее.
Артём:

Это кто тебя спать не пускает?
Лера:

Один наглый рыбак.

Артём:

Не знаю такого.

Лера рассмеялась.

Она отправила остальные снимки.

Некоторое время Артём комментировал каждый. В одном кадре заметил слишком яркую лампу, в другом — красивую линию рельсов, третий похвалил без оговорок. Словно они сидели перед одним монитором и вместе выбирали фотографии.

Лера обожала такие минуты.

В них не было никакого напряжения. Никакого вопроса, кто кому кем приходится. Просто два человека, которым интересно одно и то же.

Артём:

А знаешь, на этих рельсах я бы тебя сфотографировал.

Лера:

Мокрую, с растрёпанными волосами?

Артём:

Именно. Ты бы стояла под фонарём. Глаза блестят. Улыбка вредная.

Лера:

Улыбка у меня не вредная!
Артём:

Очень вредная. Но любимая.
Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза.
Ей вдруг представилось не то, как он её снимает, а как подходит после кадра, забирает у неё из рук аппарат, поправляет прядь волос, мокрую от дождя.
Господи, как же хочется однажды просто стоять рядом.
Она открыла глаза.
На экране пришло:
Артём:

Что притихла, моя хорошая?
Лера:

Представила.
Артём:

Что?
Лера:

Как ты меня фотографируешь.
Артём:

И всё?
Лера:

Для начала — всё.
Артём:

А потом?
Она улыбнулась.
Ответ, который ещё несколько месяцев назад показался бы ей совершенно невозможным, теперь родился сам собой.
Лера:

А потом я тебя поцелую. Сама.
Артём:

Зай...
Слова пошли один за другим. Живые, тёплые, бесстыдно счастливые. Он представлял её рядом, она не прятала ответных желаний. Лера снова смущалась, но теперь в её смущении было удовольствие, а не страх показаться неправильной.
Иногда она ловила себя на том, что улыбается совершенно пустому экрану — сообщение ещё не пришло, а она уже знала, что он найдёт, чем её удивить.
И всё же даже в самую счастливую минуту где-то за этой радостью стояло маленькое, упрямое знание.

Они фантазировали о встрече.

Но не назначали её.

Они говорили о поцелуях.

Но даже голос друг друга по-прежнему не слышали.

* * *

— Когда ты в последний раз была счастлива рядом со мной?

Вопрос мужа застал Леру врасплох.

На самом деле он спросил другое:

— Чего ты опять такая довольная?

А Лера услышала именно это.

Они собирались в магазин. Муж искал кошелёк, раздражался, что ключи от машины оказались не на привычном месте, а Лера стояла у зеркала и поправляла волосы.

— Настроение хорошее, — ответила она.

— Бывает.

Он нашёл кошелёк в кармане куртки и первым вышел на лестничную площадку.

Лера последовала за ним.

Она не считала мужа плохим человеком. Это было бы слишком удобно: назначить кого-то виноватым и перестать задавать вопросы себе. Они прожили вместе достаточно долго, чтобы знать слабости друг друга, и достаточно устали, чтобы научиться обходить самые больные темы.

Когда-то ей нравилось, как уверенно он решает бытовые проблемы. Как может возиться с поломкой до ночи, пока не

заработает. Как, вернувшись с работы, первым делом проверяет, не нужно ли что-нибудь купить.

Когда-то они тоже умели смеяться.

Эта мысль неприятно кольнула её.

А когда перестали?

Она не помнила.

В супермаркете муж выбирал крупу, долго сравнивая цены и сердясь на производителя за то, что пакет стал меньше, а стоил дороже.

Лера смотрела на него и вдруг ясно понимала: у них была целая история, сложная, настоящая, с годами за плечами. Её невозможно отменить тем, что кто-то в другом городе пишет ей «любимая».

Но и вернуть прежнюю близость одним усилием воли она не могла.

— Возьми два пакета, — сказала она. — Всё равно понадобится.

Он молча положил их в корзину.

Дома они вместе разобрали покупки.

В какой-то момент их руки столкнулись над пакетом с яблоками.

— Ой, — сказал муж.

— Ничего.

И оба отдёрнули руки так быстро, словно случайное прикосновение оказалось неловким.

Лера заметила это.

И не смогла забыть.

* * *

Вечером она набрала Артёму длинное сообщение.

Написала, что иногда чувствует себя человеком, который умеет вести себя правильно, но давно не знает, чего хочет на самом деле. Что устала от семейных разговоров, состоящих из цен, продуктов и бытовых просьб. Что не хочет обвинять мужа во всём, потому что сама тоже многое перестала делать.

Перечитала.

Слишком много.

Удалила.

Написала короче:

Лера:

А ты давно с женой вместе?

Артём:

Давно, зай. А что?

Лера:

Просто интересно, как люди живут столько лет и не теряют друг друга.

Пауза.

Артём:

По-разному живут. Не всё так красиво, как со стороны кажется.

Она смотрела на экран.

Спросить хотелось о многом.

Любил ли он жену сейчас? Было ли между ними то, чего ему не хватало с Лерой? Не чувствовал ли он себя виноватым? Не страшно ли ему было скрывать их переписку?

Но почему-то самым трудным вопросом оказался другой.

Лера:

А ты пытался с ней об этом разговаривать?

Артём:

Бывало. Не хочу сейчас об этом, родная.

Лера:

Хорошо. Не буду лезть.

Артём:

Ты не лезешь. Просто не хочется портить наш вечер.

Она почувствовала знакомое движение: он снова осторожно отводил разговор от того, что было болезненным, к тому, где им обоим проще дышать.

И Лера снова позволила.

Артём:

Лучше расскажи, чем ты сегодня занималась.

Она рассказала про супермаркет. Про смешную ссору из-за пакетов крупы. Про то, как долго они искали кошелёк, который всё время лежал в кармане.

Артём смеялся.

А потом написал:

Артём:

Вот бы я сейчас рядом был. Обнял бы тебя.

Лера:

Я бы очень этого хотела.

Артём:

Я тоже, моя хорошая.

Она смотрела на его ответ.

Он хотел бы быть рядом.

Но где именно находилось это «рядом»?

В их воображении, где никто никогда не мешал, где ни одному разговору не приходилось заканчиваться из-за чужих шагов за дверью?

Или в каком-то настоящем месте, куда однажды можно было бы приехать с сумкой и не уходить?

* * *

На следующий день Лера неожиданно получила от Артёма фотографию старой рыболовной коробки.

Крышка была потёртая, застёжка — почти ржавая. Внутри лежали разноцветные поплавки, грузила, маленькие пакетики и такая путаница лесок, что Лера не поняла, как он вообще в ней разбирается.

Артём:

Всё. Навёл порядок.

Лера:

Если это порядок, боюсь представить, что было до него.

Артём:

Не понимаешь ты высокого искусства.

Лера:

Теперь ясно, почему мы в одном фотосообществе. Ты тоже считаешь хаос авторским замыслом.

Артём:

За это я тебя и люблю. Никакого уважения к мужчине.

Она усмехнулась.

Лера:

Уважение будет, когда покажешь коробку без клубка лески.

Артём:

А если покажу, что мне полагается?

Она долго смотрела на экран.

Ей нравилось, как легко они могли обмениваться поддразниваниями. Нравилось, что у него были свои смешные мелочи: удочки, баня, мамина еда, вечные рыболовные неудачи, которыми он так гордился.

Этот человек был не только предметом её фантазий.

Он существовал в маленьких подробностях, которые невозможно придумать специально для красивой любви.

И всё же между всеми этими подробностями оставалось пустое место.

Там, где должен был быть простой вопрос: «Когда мы увидимся?»

Лера набрала:

Лера:

Ничего не полагается. Но я бы хотела однажды посмотреть на твою рыбалку своими глазами.

Ответ пришёл почти сразу.

Артём:

Посмотришь, моя хорошая.

Лера:

Когда-нибудь?

Артём:

Ну а как же иначе?

Ей хотелось спросить о времени.

О месте.

О дороге.

Но она побоялась, что конкретность разрушит лёгкость, которая существовала между ними.

Не впервые побоялась.

И впервые по-настоящему рассердилась на себя за это.

* * *

В четверг у Ники был день рождения.

Не круглая дата, не повод для большого праздника — просто очередной год, который она собиралась отметить пирогом и компанией самых близких людей.

Лера помогала расставлять тарелки, когда Ника вдруг спросила:

— Ты всё ещё хочешь, чтобы он позвонил?

— Хочу.

— А говорила ему?

— Говорила.

— И?

Лера пожала плечами.

— Он обещал.

Ника некоторое время молча искала свечи в кухонном ящике.

— Слушай, я тебя не собираюсь учить жить, — наконец сказала она. — Но мне кажется, ты боишься сказать ему, насколько для тебя всё серьёзно.

— Он знает.

— Что именно знает? Что ты скучаешь? Что тебе приятно читать его сообщения? Что любишь? Это всё он, наверное, знает. А что тебе уже больно оставаться в таком положении?

Лера опустила глаза на стол.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Ника высыпала свечи в блюдце.

— Я ведь не против твоего Артёма, Лер. Я даже его не знаю. Но мне хочется, чтобы у тебя было что-то своё, кроме ожидания.

Лера взяла салфетку, сложила её аккуратным треугольником.

— Я сама ещё не до конца понимаю, что хочу от него услышать.

— Тогда сначала пойми. Не обязательно сегодня.

В соседней комнате кто-то громко позвал именинницу.

Ника откликнулась и ушла.

Лера осталась на кухне, держа в руках бумажный треугольник.

Она думала о том, насколько легко сказать человеку «люблю».

Три коротких слога.

И как трудно потом объяснить, что именно ты имеешь в виду.

* * *

Вечером Артём появился, когда Лера уже собиралась ложиться.

Артём:

Ну где ты, моя потеряшка?

Лера:

На дне рождения была. Только вернулась.

Артём:

Ого. Без меня веселилась?

Лера:

Конечно. Ты же не звонишь, не приезжаешь. Пришлось самой искать развлечения.

Артём:

Ах вот как! А я тут скучаю.

Лера:

Так и я скучаю.

Он прислал сердечко.

Потом написал, что день выдался тяжёлым, что дома

столько дел, что мечтает просто вытянуть ноги и ничего не делать.

Лера представила его усталость и почувствовала знакомую нежность.

Артём:

Хочу сейчас к тебе. Хотя бы на минуточку.

Лера:

А если бы и правда мог?

Артём:

Обнял бы. Поцеловал. И никуда бы не пустил.

Лера долго не отвечала.

Ей захотелось не шутить в ответ.

Артём:

Зай? Что случилось?

Лера:

Ничего не случилось. Просто можно я скажу одну вещь, а ты не будешь отшучиваться?

Появились три точки.

Артём:

Конечно, родная.

Она глубоко вдохнула.

Лера:

Я очень тебя люблю. И мне с тобой хорошо. Даже сейчас, когда мы далеко. Но иногда я понимаю, что мне очень трудно.

Артём:

Почему, моя хорошая?

Лера:

Потому что у тебя есть дом, семья, сын, привычная жизнь. И я не хочу делать вид, будто всего этого нет. Но я всё чаще чувствую себя человеком, которому достаются только свободные минуты.

Артём долго не отвечал.

Лера почувствовала, как внутри поднимается страх.

Зачем я это написала?

Вдруг он обидится? Вдруг решит, что она требует от него невозможного? Вдруг сегодняшняя нежность закончится именно потому, что ей захотелось наконец заговорить о настоящем?

Три точки появились.

Исчезли.

Потом пришёл ответ.

Артём:

Лерочка, ты для меня не просто свободная минутка. Ты же знаешь, как ты мне дорога.

Она закрыла глаза.

Это было именно то, что ей так хотелось услышать.

И всё же — не совсем то.

Лера:

Знаю, что говоришь. И я тебе верю. Но мне иногда хочется быть не тайной, которую надо успеть спрятать, а частью чьей-то жизни.

Артём:

Ты уже часть моей жизни, родная.

Она посмотрела на фразу.

Часть.

Какое удобное слово.

В жизни человека может быть много частей. Работа, родители, привычки, друзья, увлечения, обязательства. И где-то между всем этим — она, Лера.

А ей хотелось не отнимать у него другие части жизни.

Ей хотелось иметь собственное, невыкраиваемое место.

Лера:

Ты только не пойми меня неправильно. Я не прошу тебя сегодня всё бросить. И не хочу, чтобы кто-то страдал из-за

нас.

Артём:

Я понимаю, зай.

Лера:

Но я не хочу всю жизнь быть третьей.

Отправив сообщение, она почувствовала, как дрожат руки.

Это было сказано.

Без крика.

Без упрёка.

Просто её правда.

Секунды тянулись медленно.

Артём:

Моя хорошая, не надо так. Я ведь люблю тебя.

Лера:

А что для нас значит это «люблю»?

Он не ответил сразу.

Когда сообщение всё-таки появилось, оно было нежным.

Артём:

Ты моя родная девочка. Очень хочу, чтобы ты улыбалась. Не грусти, пожалуйста.

Она прочитала его несколько раз.

Ни одного жестокого слова.

Ни одной грубости.

Только ласка.

И ни одного ответа на вопрос.

Лера могла бы снова перевести разговор в шутку. Спросить, как его рыба, подразнить, прислать смайлик. Тогда он наверняка рассмеялся бы, и им обоим снова стало легко.

Но сейчас она не хотела.

Лера:

Я улыбаюсь, Артём. Правда. Ты мне подарил очень много радости. Просто я начинаю хотеть большего, чем переписка.

Артём:

Я знаю, любимая.

Лера:

Спокойной ночи.

Артём:

Спокойной ночи, моя девочка. Нежно целую.

Она положила телефон на стол.

Ничего страшного не произошло.

Артём не рассердился.

Не обвинил её.

Не сказал, что она всё испортила.

И всё же Лера почувствовала, будто между ними впервые появился не экран телефона, а настоящий вопрос.

Тот, на который нельзя ответить сердечком.

* * *

На следующий день он снова написал первым.

Доброе утро, моя красавица.

И Лера, увидев сообщение, улыбнулась.

Она продолжала любить его.

Продолжала хотеть делиться с ним смешными случаями, фотографиями, нежностью. По-прежнему мечтала о близости, которую они умели создавать даже на расстоянии.

Разговор предыдущего вечера ничего не отменил.

Но кое-что изменил.

Раньше ей казалось, что если любишь достаточно сильно, то рано или поздно все обстоятельства подстроятся под любовь сами.

Теперь она впервые допускала, что этого может не случиться.

Артём:

Как спалось, моя хорошая?

Лера:

Нормально. А тебе?

Артём:

Всю ночь думал о тебе.

Она долго смотрела на ответ.

Потом положила телефон рядом с фотоаппаратом и открыла на компьютере папку со снимками.

Среди ночных кадров по-прежнему выделялся тот, что она назвала «Пока горит».

На тёмной улице в луже отражался свет фонаря. Отражение казалось почти настоящей дорожкой — протяни руку, и можно дотронуться.

Но Лера знала: если шагнуть туда, где мерцал этот свет, окажешься просто в холодной воде.

Она не стала удалять фотографию.

Не стала делать её ярче или темнее.

Оставила как есть.

Потому что свет был настоящим.

И вода тоже.

Она снова взяла телефон.

Лера:

Артём, я тебя люблю. Но мне очень хочется, чтобы однажды нам не пришлось прощаться посреди разговора.

Ответ пришёл быстро.

Артём:

Я тоже тебя люблю, родная.

Лера улыбнулась.

Не от радости и не от горечи.

Просто улыбнулась человеку, которого любила.

А потом вернулась к своим фотографиям.

Впервые за долгое время у неё было дело, которое не требовало, чтобы он появился в сети.

И всё-таки, когда телефон тихо завибрировал, сердце по привычке дрогнуло.

Любовь никуда не исчезла.

Просто рядом с ней впервые появилось ещё одно чувство.

Желание, чтобы и для самой Леры в её жизни нашлось место.

Не между чужими делами.

Не после слова «потом».

А своё.

Глава 7. То, о чём молчат

— Слушай, а фотография ведь не умеет врать?

Лера подняла глаза от монитора. Ника стояла у стола с конвертом в руках и выглядела человеком, который только что придумал вопрос, способный испортить кому-нибудь рабочее утро.

— Ещё как умеет, — ответила Лера. — Особенно если фотограф хорошо умеет обрезать кадр.

— Вот. Значит, зря говорят, что снимок всегда честнее слов.

— Что случилось?

— Ничего. Просто смотрела твои работы. — Ника протянула конверт. — Организаторы выставки прислали приглашения. Твой «Пока горит» взяли в основную экспозицию.

Лера сперва посмотрела на конверт, потом на Нику.

— Серьёзно?

— Нет, конечно. Я подделала печать, чтобы ты перестала смотреть в телефон хотя бы десять минут.

— Ника!

— Серьёзно. И даже без моей протекции, представляешь?

Лера вскрыла конверт. Бумага внутри была плотной, слегка шероховатой. На ней стояло её имя, название фотографии и дата открытия выставки.

Её имя.

Не «жена такого-то», не сотрудница, которой нужно срочно доделать отчёт, не чья-то «моя хорошая» в маленьком прямоугольнике экрана.

Просто Лера. Автор фотографии.

— Ну? — Ника скрестила руки. — Хотя бы улыбнёшься?

— Я улыбаюсь.

— Ты сейчас смотришь так, будто тебе прислали повестку в суд.

Лера рассмеялась и прижала приглашение к груди.

— Я просто не ожидала.

— Знаю. Потому что ты, вредная женщина, до сих пор удивляешься, когда у тебя что-то получается.

Лера вернулась взглядом к снимку на мониторе. Тёмная улица. Свет фонаря, отражённый в луже. Дорожка, по которой невозможно пройти, хотя издалека кажется, что она ведёт куда-то вперёд.

Она сняла это почти случайно — в тот вечер, когда впервые позволила Артёму немного подождать её сообщения.

Теперь фотография отправлялась на выставку, а у неё в голове всё ещё звучали его слова: «Буду ждать».

— Я ему расскажу, — сказала Лера.

— Кому?

— Артёму.

Ника вздохнула, но спорить не стала.

— Расскажи. Только сперва сама порадуйся. Это вообще-то твоё событие.

Лера кивнула.

Она хотела бы сказать, что умеет радоваться хорошему, не оглядываясь на чужую реакцию.

Но это было бы неправдой.

* * *

Вечером приглашение лежало на кухонном столе между хлебницей и квитанциями.

Муж вернулся усталый, снял куртку, поставил сумку возле двери и, не сразу заметив бумагу, спросил:

— Есть что поесть?

— Суп в холодильнике. Разогреть?

— Я сам.

Он заглянул в кастрюлю, постоял возле плиты и только потом поднял приглашение.

— Это что?

— На выставку зовут. Мою фотографию выбрали.

— Ту ночную?

Лера удивилась.

— Ты запомнил?

— Ну ты же показывала. С фонарём.

Он вчитался в текст, немного нахмурился.

— Молодец. А там что, приз какой-нибудь дают?

— Нет. Просто выставка.

— А. Ну всё равно приятно.

Он положил приглашение обратно и вернулся к супу.

Лера смотрела на его спину.

Это было совсем не то восторженное поздравление, которое она успела себе представить. Но он ведь и не отмахнулся. Запомнил фотографию. Сказал «молодец». Не попросил убрать приглашение с кухонного стола.

Она поймала себя на несправедливом желании сравнить две реакции, хотя второй ещё не было.

Артём бы написал десять сердечек.

Возможно. А возможно, просто поздравил бы. Она не знала.

И всё же ждала именно его слов.

— Ты чего стоишь? — спросил муж. — Есть будешь?

— Позже.

— Опять позже. Смотри, не забудь.

Он сел за стол и взял ложку.

Лера ушла в комнату. Там было тихо, пахло бумажными книгами и недавно выстиранным бельём. Она достала телефон.

Днём Артём писал ей несколько раз: спрашивал, закончила ли работу, шутил над фотографией кота из общего сообщества, жаловался на капризную погоду. Теперь он, скорее всего, был дома. И писать первой она не собиралась.

Она открыла переписку, набрала: «Представляешь, мой снимок взяли на выставку!» — и не отправила.

Стерла текст.

Потом расскажу.

В последние недели этих «потом» становилось всё боль-

ше.

* * *

Когда Артём написал, Лера уже почти перестала ждать.
Артём:

Моя красотка, как прошёл день?
Лера:

У меня новость!
Артём:

Ты выиграла миллион?
Лера:

Почти. Мою фотографию взяли на выставку!
Ответ пришёл быстро.
Артём:

Лерочка! Какая же ты умничка!
Артём:

Я ведь говорил, что ты талантливая.
Она улыбнулась так широко, что заболели щёки.
Лера:

Ты просто пристрастный зритель.

Артём:

Самый пристрастный. И самый преданный.
Лера:

Приезжай на открытие. Проверим.
Она отправила фразу прежде, чем успела подумать.
И замерла.
Они постоянно играли в это «приезжай», «обниму», «не отпущу». Вроде бы шутка, вроде бы обещание, вроде бы мечта. Но в приглашении на выставку стояла настоящая дата, настоящий адрес, время начала.
Сюда действительно можно было приехать.
Она смотрела на экран.
Артём:

Ох, моя хорошая, вот бы получилось.
Лера:

Да. Вот бы.
Артём:

Ты потом обязательно покажи, как всё прошло.
Лера:

Покажу.

Он ещё долго расспрашивал о конкурсе, о других работах, о том, как она получила приглашение. Помнил, какой кадр она отправляла. Поддразнил, что теперь ему придётся официально обращаться к ней «уважаемый фотограф».

Лера смеялась.

Ей было хорошо. По-настоящему хорошо.

И всё-таки маленькая фраза «вот бы получилось» словно лежала рядом с приглашением — такая же вежливая, аккуратная, ни к чему не обязывающая.

* * *

За несколько дней до открытия Артём прислал фотографию из дома.

На столе лежал лист бумаги с детским рисунком. Косой домик, огромное солнце, человек с непомерно длинными руками и рядом ещё один, совсем маленький. В углу виднелся хвост кота, который явно намеревался пройти по рисунку прежде, чем тот успеют убрать.

Артём:

Смотри, какой шедевр мне сегодня подарили.

Лера:

Ого! Конкурент растёт. Я бы сразу на выставку взяла.

Артём:

Он сказал, что это мы гуляем. А солнце большое, потому

что очень тепло.

Лера увеличила фотографию.

Смешной, неровный рисунок почему-то тронул сильнее самых красивых пейзажей. В нём было всё, что ребёнок хотел рассказать о своём мире: дом, тепло, человек рядом.

Лера:

Как здорово. Сохрани обязательно.

Артём:

Конечно. Я такое не выбрасываю.

Она представила, как он аккуратно убирает лист в папку, как ребёнок тянется показать следующий рисунок, как в комнате шумит обычная семейная жизнь.

Она никогда не ревновала его к сыну. Напротив, любовь Артёма к мальчику казалась ей одной из самых понятных, настоящих вещей в этом мужчине.

Но иногда именно такие фотографии с особенной силой напоминали: у него есть мир, в котором для неё нет даже условного места.

Семья существовала не в качестве препятствия их романтической переписке. Это были живые люди, у которых были собственные радости, привычки и ожидания.

Лера отложила телефон.

Она тоже была замужем. Тоже молчала о многом. Тоже делала выбор каждый раз, когда прятала экран или отвечала

на нежные слова так, чтобы никто не видел.

Удобно было считать себя человеком, которому не досталось достаточно любви.

Гораздо труднее — признать, что она и сама участвовала в том, что причиняло боль или могло её причинить другим.

Она не знала, как с этим быть.

Но впервые не смогла отмахнуться от мысли.

* * *

На открытии выставки было душно и шумно.

В небольшом зале пахло свежей краской, бумажными стаканчиками и духами. Люди переходили от снимка к снимку, наклоняли головы, спорили о свете, отвлекались на звонки. Один посетитель долго смотрел на черно-белый портрет пожилого мужчины, а потом спросил у автора, почему тот такой печальный.

— Он не печальный, — растерянно ответил фотограф. — Просто солнце в глаза светило.

Лера, стоявшая неподалёку, едва удержалась от смеха.

Ника толкнула её локтем.

— Иди к своей работе. Ты же автор.

— Я и отсюда вижу.

— Лера. Там уже второй человек читает твою подпись. Иди и познакомься с людьми.

Её «Пока горит» висел ближе к дальнему окну. Под стеклом, в аккуратной рамке, свет фонаря казался глубже, чем на экране компьютера. Вокруг снимка было достаточно пустого

пространства, чтобы он не терялся среди соседних работ.

Лера неожиданно смутилась.

Дома фотография принадлежала ей. Она могла открыть файл, поправить резкость, увеличить тени, закрыть окно программы. Здесь её видели чужие люди. У каждого было право понять в ней что-то своё.

— Это ваша? — спросила женщина в светлом пальто.

— Моя.

— Очень нравится. Мне кажется, это про надежду.

Лера улыбнулась.

— А я снимала просто свет в луже.

— Разве это мешает? — удивилась женщина.

Лера хотела ответить и не нашла слов.

Подошёл высокий мужчина с фотоаппаратом на ремне.

— Я бы назвал «Ложная дорога», — сказал он. — Кажется, что можно идти вперёд, а там вода.

— Мрачновато, — заметила женщина.

— Зато честно.

— А по-моему, — вмешалась Ника, — дорога не обязана быть настоящей, чтобы человеку стало светлее.

Они начали спорить.

Лера стояла рядом и слушала, как незнакомые люди говорят о её фотографии, будто о собственной жизни.

Никто из них не знал, в какой вечер она сделала этот кадр. О ком думала, когда подняла фотоаппарат. Что надеялась увидеть на экране телефона по возвращении домой.

И всё же каждый замечал что-то настоящее.

Наверное, так и бывает с историями, подумала Лера. Один человек переживает их, другой — понимает по-своему. И невозможно вложить в чужую голову точное объяснение того, что с тобой произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.